

Юрий Прокопенко

География любви

Мечты сбываются

Юрий Прокопенко
География любви

«Издательские решения»

Прокопенко Ю. И.

География любви / Ю. И. Прокопенко — «Издательские решения»,

Герой повести — молодой талантливый ученый, мечтает выезжать в научные зарубежные командировки. Его мечта сбывается, и он принимает участие во многих международных конференциях в Европейских странах. Он молод, умен, удачлив, красив, пользуется большим успехом у женщин. Его научные командировки нередко сопровождаются любовными приключениями, изложенными в повести ярко и чувственно. География любви перерастает в новую мечту — поехать в Женеву. Но у него есть серьезный конкурент.

© Прокопенко Ю. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Стать выездным	6
1	6
2	12
3	16
Глава 2. «Мартинички»	20
1	20
2	23
3	27
4	32
5	36
Глава 3. По разным городам и странам	38
1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

География любви
Мечты сбываются
Юрий Иванович Прокопенко

© Юрий Иванович Прокопенко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1. Стать выездным

1

У Ивана была мечта: поехать в научную командировку за границу. И не просто поехать, а сделать так, чтобы такие поездки стали частыми, превратились в систему его научной деятельности. В свои тридцать четыре года Иван и так достиг ни мало. Он врач, имел успешную практику на базе поликлиники на Кутузовском проспекте столицы, поступил в аспирантуру и через три года уже защитил кандидатскую диссертацию. Еще через пару лет стал старшим научным сотрудником. Иван преуспел и в общественной деятельности. Два года кряду он был председателем местного комитета профсоюзной организации института, стал членом ученого совета, а не так давно вступил в Партию. Теперь он член партийного бюро института. Пользуясь заслуженным успехом в коллективе и среди руководства, он сумел получить двухкомнатную квартиру в новом доме, построенном Академией медицинских наук, к которой относился его институт. Иван был женат, имел дочь. Все это составляло его анкету и любимое гнездо, дом, в который он всегда стремился.

Иван обладал привлекательной внешностью. Был выше среднего роста, но не долговяз, худощав, но широкоплеч. Красивая голова с густой шевелюрой черного цвета уверенно сидела на плечах. Свето-серые глаза привлекали внимание многих прохожих. Еще с ранней молодости он пользовался успехом у девушек и имел немало любовных романов. Повзрослев, стал еще симпатичнее и увереннее в своих отношениях с женщинами. Однако он соблюдал устойчивое равновесие между стремлением к любовным романам и обязанностью сохранять семью. Еще перед свадьбой он обещал своей невесте сделать ее счастливой и сейчас никогда не забывал об этом.

Сейчас Иван работал над докторской диссертацией. Можно сказать, что он был на полпути к ее завершению. Его научные отчеты, статьи, публикуемые в научных журналах, доклады на ученом совете института, различных научных конференциях всегда пользовались успехом у аудитории и одобрением со стороны руководства. Никто не сомневался, что Ивана ждет большое будущее в науке. Иван и сам верил в это. Но время шло, а он все еще оставался старшим научным сотрудником. Тщеславие, присущее ему, не оставляло его в покое. По природе своей он был удачливым, потому и не завистливым. И все же, иногда, он чувствовал что-то вроде несправедливости к нему со стороны судьбы или руководства. Что-то ему не хватало. Вот его товарищ по работе, Николай Левитин, моложе его на три года и кандидатскую защитил позже его, а уже руководитель международного отдела. Но о Коле позже. А сейчас вернемся к мечте Ивана.

Иван знал, что выехать за рубеж – это серьезная проблема. Для этого требовались веские аргументы и доказательства необходимости поездки. Он знал также, что некоторые сотрудники института регулярно бывают за рубежом. Ну, конечно, это, прежде всего, директор Института. Тот обычно ездил в составе научных делегаций от Академии или Министерства. Ездили также и некоторые руководители лабораторий. Но это были, как правило, достаточно взрослые люди, доктора наук и пользовались значительным авторитетом в научных кругах. Дважды за границей побывал и Коля Левитин, один раз даже в США. Мысли об этом нередко посещали Ивана перед сном, не давали ему быстро заснуть, а утром он просыпался раздраженным и сердитым. На что? Он и сам этого не знал. Зато хорошо знал, что для того, чтобы поехать в заграничную командировку, нужно было попасть в обойму так называемых «выездных». Помимо успешной карьеры, «выездной специалист» должен быть надежным, и лояльным к советской власти, проверенным товарищем. Лучше всего, если он член Партии или продвинутый комсомолец.

Но, в любом случае, вначале заграничной карьеры требовалось прохождение через своеобразный фильтр – партийную комиссию старых большевиков. Вот уж где над тобой поиздеваются коммунисты-пенсионеры. Они сами придумывают вопросы и часто на эти вопросы только они знают правильные ответы. Легче конечно тому, кто в своей организации занимает какой-либо заметный партийный пост. Совсем хорошо, если он член партбюро или что-то в этом роде. Старики-коммунисты в таком случае смотрят на него как на своего приемника, строго, но уже теплее по отечески. Они могут потаскать его по разным вопросам и сделать различные наставления. Непременно выскажут пожелание с честью представлять нашу страну и партию (если такое случится) там, за рубежом, вести себя скромно, но с достоинством, не вступать в какие-либо незапланированные связи. Напомнят, что командировочный должен строго соответствовать техническому заданию, утвержденному партбюро первичной организации, и уж конечно не позволять себе какие-нибудь непристойности, как-то алкоголь, женщины, что вообще порочит высокое звание коммуниста.

И вот совсем недавно от тех событий, о которых идет речь, его вызвали в международный отдел Минздрава. Иван почувствовал, что это начало его международной научной карьеры. С трепетом в сердце Иван переступил порог кабинета, где ждал его сотрудник международного отдела. Пригласив сесть, он осведомился, знает ли Иван английский язык. Получив положительный ответ, он перешел на английский. Побеседовав с Иваном несколько минут, сотрудник удовлетворенно улыбнулся и протянул Ивану пакет.

– Посмотрите, – предложил сотрудник, вынимая содержимое пакета. – Это приглашение на международную конференцию по вашей специальности.

Иван взял письмо, написанное на английском языке, и быстро пробежал по тексту. Он успел заметить, что письмо было написано на его имя, что в указанный срок в Софии (Болгарии) состоится научная конференция по ультрафиолетовому излучению и что в работе конференции примут участие сотрудники европейских стран и США. Оргкомитет конференции, учрежденный Всемирной Организацией Здравоохранения, приглашает принять участие доктора Белецкого Ивана в работе конференции. Все расходы организация берет на себя. Регламент конференции прилагается.

– Что вы на это скажете? – спросил сотрудник международного отдела.

Иван пожал плечами: «Только то, что написано в письме».

– Это понятно. Я не могу понять другое. Как случилось, что вы не включены в список сотрудников института, рекомендованных для международного сотрудничества. Этот список составлялся и утверждался дирекцией всего несколько месяцев назад. И сейчас к нам приходит приглашение сотруднику института, не включенного в список.

Сотрудник отдела показал Ивану список и, не выпуская его из рук, положил листок в папку. Иван увидел некоторые знакомые фамилии, которые и так выезжают в зарубежные командировки. Он также успел заметить в этом списке фамилию своего товарища, Николая Левитина. Он также успел заметить фамилию исполнителя данного документа. Это был все тот же Н. Левитин.

– А еще друг называется. Втихую, за его спиной, подготовил такой документ и ничего не сказал ему. Ведь мог же предложить и его кандидатуру, – с обидой подумал Иван.

– Как видите, сроки поджимают. Я думаю, вы еще не выезжали за границу. Это будет ваша первая поездка. И хотя Болгария – дружественная страна, но там будут ученые из капиталистических стран, в том числе и из США. Надо серьезно подойти к этому вопросу. А Левитину я сделаю замечание за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Как так случилось, что он не включил вас в этот список? Зачем мы тогда вообще здесь работаем, говорим о подготовке резерва кадров для международной работы? Чтобы не затягивать время я передаю вам на руке весь пакет документов и это сопроводительное письмо на имя директора о направлении вас

в научную командировку в Болгарию. И сегодня же начинайте готовить все необходимые документы. Левитин вам поможет, это его служебная обязанность. Я ему позвоню. Желаю успехов.

Иван вышел из Минздрава в смятенных чувствах. С одной стороны, было приятно получить приглашение ВОЗа на конференцию. Значит, организаторы конференции ознакомились с его трудами и сочли нужным пригласить именно его на конференцию. Вместе с тем, возникло чувство тревоги: успеет ли он подготовить все необходимые документы, пройдет ли он партийную комиссию, справится ли с языком. А немного спустя его вновь посетила неприятная мысль о Коле Левитине. По всей видимости, тот не хотел успешного продвижения Ивана в международных делах, он видел в нем конкурента и вообще не хотел пускать его за границу. Иван нехорошо выругался по адресу своего товарища. Но так как Иван не был злопамятным, он постарался больше не думать об этом. Зачем? Ведь им работать вместе долгие годы и лучше сделать так, чтобы Николай изменил свое отношение к нему.

Через несколько дней Иван проснулся в хорошем настроении. Сегодня у него партийная комиссия. «Выездное дело» Ивана Белецкого продолжается. К трем часам он прибыл к зданию райкома Партии на улице Кропоткина. Это был старый красивый особняк, идеально отремонтированный. При входе стоял постовой милиционер. Иван часто бывал здесь, посещая своего инструктора по различным вопросам.

«Вот она, моя бесценная красная книжица, – подумал Иван, доставая из бокового кармана пиджака и протягивая постовому милиционеру при входе в Райком партии свой партийный билет, – мой входной билет во всякие высокие инстанции и научные круги, входной билет в успешную карьеру. Но и сам я не простак, соответствую своему входному билету. Так держать, старички-коммунисты, потягаемся с вами в вопросы-ответы, а там посмотрим. Ведь не будете вы топить своего соплеменника, свою смену. Так ведь?» – с этими мыслями Иван поднимался по лестнице по направлению к большому кабинету, где заседала партийная комиссия. «Надо беречь ее как зеницу ока, как-бы не скрали ненароком», – он правой рукой ощутил угловатую плотность корочки в кармане пиджака и, успокоившись, поздоровался с очередью. На стульях сидели человек шесть, да кто-то еще отошел на время, предупредив, что занимал очередь. Сев на стул подальше от двери и ближе к окну, взглянул на улицу, которая носила имя Кропоткина, большевика-революционера, и, осознав, что он среди своих, успокоился окончательно. Двери кабинета открывались не часто, очередь двигалась медленно, но, спешить было некуда. Иван уселся на стуле поудобней, открыл портфель и, подумав чуть-чуть, достал последний номер научного журнала, где была опубликована его очередная статья. Ему нравилось время от времени перечитывать свои статьи. Большая часть текста симпатизировала ему, но отдельные фрагменты вызвали досаду. «Здесь надо было привести дополнительные аргументы, доказательства. Получилось как-то легковесно». На этом месте его критические мысли по поводу статьи были прерваны подошедшим к нему молодым инструктором Райкома партии. Он как раз курировал их организацию.

– Здравствуйте, – сказал он, протягивая руку для приветствия, – вам назначали на три, если я помню, а сейчас уже четверть четвертого. Нехорошо заставлять ждать занятых людей. Что читаете, – заглянул он в журнал, здороваясь за руку с Иваном, – это ваша статья? Поздравляю. Это, наверно, всегда приятно читать свои мысли.

– Вообще-то приятно, но не всегда. Иногда, как ни стараешься, не можешь сказать то, чего хочешь, – ответил Иван.

– Да, кстати, я еще не получил сводку о семинарах за текущий месяц. Задерживаете, Иван Павлович. Я из-за этого не могу составить общий месячный итог.

– Виноват, закрутился. Завтра сводка будет у вас.

– Добро, пришлите с кем-нибудь, чтобы самому не тратить время. Да, кстати, а время-то идет. Пойду, напому членам комиссии, что они задерживают важного товарища.

– Ни в коем случае, старики они очень обидчивые. Ведь они считают, что их дело самое важное из всех дел.

– Да, пожалуй, вы правы, с ними надо полегче.

С этими словами инструктор пожал Ивану руку и скрылся за дверью кабинета. Через десять минут Ивана пригласили.

– Это кто у нас? – спросил председатель, посмотрев на Ивана из-под стекол очков.

– Это Белецкий Иван Павлович, – привстав со стула, сказал инструктор, – заместитель секретаря партбюро института по идеологической работе, кандидат медицинских наук.

– Здесь есть рекомендация и ходатайство секретаря, товарища Борового. – Сказал председатель, перелистывая лежащие перед ним страницы. – Знаем Борового, хороший коммунист, надежный товарищ. Ну, если есть его ходатайство, то нужно думать, что товарищ Белецкий не будет иметь проблем. – Председатель снова взглянул на Ивана. Тот почувствовал что-то недоброе в его взгляде.

– А скажите нам, старым большевикам, куда вы собрались ехать и почему? Какая на то причина?

– Я еду в Болгарию, – ответил Иван. Но председатель нарочито остановил его:

– Пока что вы никуда не едите, молодой человек. Мы еще посмотрим, как вы подготовлены к тому, чтобы оказаться за рубежом.

Иван никак не ожидал таково поворота дел. С чего начать, чтобы задобрить этого вредного старика. Видать, он чем-то или кем-то обижен. Но если так, то, причем здесь я. Эти мысли мгновенно пролетели в голове Ивана, и он не спеша начал свой рассказ.

– Вы правы, Александр Ефимович (Иван заранее узнал имя председателя. Он полагал, что называть его по имени отчеству будет лучше, доверительней). Я получил приглашение от Всемирной Организации Здравоохранения принять участие в международном совещании экспертов по биологическому действию ультрафиолетового излучения.

– Как это, получил приглашение? Именное? Что во всем Союзе не было более зрелых специалистов? Почему именно вы получили приглашение?

– Направление исследований, проводимых в лаборатории лучистой энергии, в которой я работаю, принципиально отличается от взглядов на биологическое действие уф-излучения, которое преобладает на Западе.

– Так, и здесь разногласия с Западом? Надеюсь не идеологические? – почти шутя, сказал председатель, оглядев своих товарищей поверх стекол очков.

– Я думаю, скорее географические. В Советском Союзе значительная часть населения проживает в северных широтах, где большую часть года сохраняется дефицит уф-излучения.

– И в этом у нас дефицит, – пошутил кто-то из членов комиссии, – ну-ну, продолжайте. Это становится интересно.

– Так вот, – продолжил Иван все больше воодушевляясь, – в западных странах, особенно в южных штатах США, существуют территории с выраженным избытком солнечной радиации, а это приводит к раку кожи. Там частота заболеваемости раком кожи очень высокая.

– А у нас? – спросил все тот же старый большевик.

– А у нас рак кожи встречается значительно реже, часто как профессиональное заболевание. Но это другая история. Зато у нас высокий процент заболеваемости рахитом среди детей, проживающих в северных широтах. В целях профилактики рахита и связанных с ним других заболеваний в нашей практике используется облучение ультрафиолетом от искусственных источников. Другими словами, восполняется дефицит естественного солнечного уф-излучения. Вот именно этот опыт интересует западных ученых. Ведь там во многих местах также ощущается уф-дефицит. Например, на Аляске, в северных широтах Канады, в Скандинавских странах.

– Ну что ж, с этим все понятно. Как ученый, профессионал вы подготовлены вполне достаточно. Меня интересует другой вопрос: а за чей счет вы будете пребывать за границей? Ведь там, на рубли не проживешь, даже в Болгарии.

– Вместе с приглашением я получил финансовое обеспечение командировки в виде чека Томаса Кука.

– Того самого Кука, который попал в поэму Маяковского?

– На этот вопрос я затрудняюсь ответить. Мне прислали чеки в размере тысяча долларов. По этим чекам я должен приобрести билет на самолет в оба конца, оплатить в Софии гостиницу, ну и какая-то часть будет предложена мне в качестве командировочных.

– А кто же решает все эти финансовые вопросы здесь у нас в Союзе? – спросил один из членов комиссии.

– Я отчитываюсь перед бухгалтерией Минздрава и должен строго руководствоваться рекомендациями по расходованию средств.

– Вот это хорошо, – сказал председатель, – я знаю, что на командировочные расходы выделяется совсем немного денег, так что не загуляешь, и не будешь особенно бегать по магазинчикам. Да и что можно купить в той Болгарии?

Председатель оглядел членов комиссии, осведомился, есть ли у кого вопросы и, убедившись, что таковых больше нет, решил отпустить Ивана с миром.

– Ну что ж, товарищ Белецкий. Это у вас первая зарубежная командировка. Желаем вам удачно выступить на совещании. Не забывайте об интересах нашей страны. Помните, что даже из малого строится большое. Если каждый вот из таких бравых ребят принесет стране хоть по крупице, то жизнь наша станет богаче, а здоровье лучше. Надеюсь, излишне вам напоминать о нормах поведения за рубежом. Строгость и скромность. И никогда не забывайте, что вы гражданин Советского Союза и член нашей Коммунистической Партии. Надеюсь, с политическими вопросами у вас все в порядке, проверять не надо.

– Коммунист Белецкий – член партбюро института, зам. секретаря по идеологическим вопросам, – напомнил присутствующим инструктор райкома.

– Да, мы помним об этом, потому и разговор у нас был совсем другого рода, чем с иными соискателями права на зарубежную поездку. До свидания, товарищ Белецкий Иван Павлович.

Белецкий порывисто встал и смущенно улыбаясь, раскланялся во все стороны и поспешно вышел из кабинета. Через приоткрытую дверь Иван расслышал сетования председателя.

– Надо подготовить для Бюро Райкома предложение о дифференцированном подходе к соискателям. Ну что мы тратим время вот с такими людьми, которые больше нас обо всем знают.

– Не уверен, Александр Ефимович. Вот такие гладенькие и умненькие, в первую очередь могут продать. Что они испытали в жизни. Сколько ему лет, тридцать два, тридцать пять, а он уже кандидат наук, член партбюро института, крупный ученый, получил приглашение от Всемирной организации. Все это может отрицательно сказаться на парне. С такими вот как раз надо поостроже.

На том дверь закрылась плотнее и Иван не смог расслышать, чем кончился спор двух старых коммунистов. Признаться, теперь ему уже было все равно. Он стал выездным, почти. Хотя впереди анкета МИДа и выездная виза. Но положительное заключение райкома партии почти означало успех всего дела.

– Белецкий, приезжайте завтра с отчетом сам и получите заключение комиссии. В чужие руки его давать не положено, – довольно сухо придержал Ивана вышедший из кабинета инструктор.

– Что ни будь не так? – спросил озадаченный Иван.

– Да, нет, все в порядке. Члены комиссии остались довольны. А я как всегда оказался виновным в том, что, видите ли, не подготовил комиссию, чтобы они не задавали дурацкие вопросы. Наверно впредь нужно готовить краткую аннотацию на каждого впервые выезжающего за границу.

– Наверно это было бы полезно для членов комиссии и к протоколу будет чего подшивать, – согласился Иван, пожал руку инструктору, и быстро спустился по лестнице, направляясь к гардеробу.

2

Иван остался доволен результатом. На следующий день он получил от инструктора райкома заключение партийной комиссии, и выездное дело завертелось. Пока все бумаги проходили должные инстанции, Иван занимался подготовкой научного доклада, который предназначался для обсуждения на рабочем совещании в Софии. Доклад должен прозвучать на английском языке и потому Иван пыхтел над переводом русского текста написанного им доклада на английский язык. Это было совсем не просто. Такие обратные переводы всегда доставляют трудности для непрофессионалов. А Иван не был профессионалом в знании английского языка. Он легко переводил научные тексты с английского на русский и даже научился немного подрабатывать на этом. Он сотрудничал в «медицинском реферативном журнале», где за небольшие деньги делал переводы статей с английского на русский и составлял краткие рефераты. Это позволяло ему получать свежую информацию по его специальности, поддерживать знания английского языка в рабочем состоянии и иметь небольшую прибавку к скромному жалованию старшего научного сотрудника. А вот делать обратные переводы было непросто. Потому и пыхтел, подбирая многочисленные обороты на английском из научной литературы. Он надеялся, что так будет понятней смысл его доклада англоязычной аудитории.

Все было готово к отъезду в Болгарию. Вместе с ним должна была лететь некто доктор Гвоздикова Алла Петровна из Харьковского института гигиены труда. Она тоже должна представить доклад. Он не сомневался, что текст доклада у нее готов, но вот сумеет ли она его прочитать, участвовать в дискуссии. Ведь Гвоздикова почти совсем не знала английского языка. В Минздраве Ивану намекнули, что, скорее всего, зачитать текст доклада придется ему и заниматься синхронным переводом в ходе работы совещания тоже. На эти предложения Иван только пожимал плечами: ему самому бы справиться со своим докладом и, кроме того, он не знает тематики Гвоздиковой. Ее тема относилась к промышленной гигиене и там много специфических терминов. Коля Левитин, товарищ Ивана по работе и руководитель международного отдела в институте, посоветовал Ивану не спорить с руководством, как бы не накликать беду. В конце концов, Гвоздикова сама должна отвечать за себя, а кроме того в Софии работают две бывшие аспирантки Института, которые свободно владеют русским, а одна из них и английским. Это была Соня Табанова, очень милая женщина, с которой у Ивана был мимолетный роман и взаимная симпатия. И сейчас вспомнив ее, Иван подумал, что было бы приятно поработать с ней в Софии. Но как знать, будет ли она участвовать в работе совещания.

День отъезда неумолимо приближался. И по мере его приближения у Ивана возникало какое-то неопределенное чувство тревоги или тоски, как-то посасывало под ложечкой. Вероятно, Иван все же волновался перед первой в его жизни зарубежной поездкой. Нельзя сказать, что Иван раньше не уезжал из дома. У него нередко случались служебные командировки, и он по неделе и даже больше не бывал дома. Конечно, он все это время скучал по дому, по жене и дочке. Его всегда тянуло домой и понимание того, что скоро он вернется, создавало хорошее настроение, своего рода успокоение. Он и сейчас, еще не уехав, старался больше думать о том, что совсем скоро он вернется из своей первой зарубежной командировки, привезет жене и дочери гостинцы, и они вновь будут вместе и счастливы, пока не придет время следующей командировки. Возможно даже зарубежной.

Идея внедриться в систему зарубежных командировок пришла к Ивану давно. Во-первых, это было престижно, придавало дополнительный вес и авторитет Ивану как молодому ученому в глазах его коллег по институту, друзей и родственников. Во-вторых, это повышало его рейтинг и на международной арене, о котором он давно мечтал. Это, безусловно, повышало его шансы в работе над докторской диссертацией, так как материалы диссертации, доложенные за рубежом, много стоили. И, наконец, зарубежные поездки могли приносить дополнитель-

ный доход в семейный бюджет и позволяли привозить «из-за бугра», как было принято тогда называть за границу, модные вещи, в первую очередь для своей любимой жены. Ведь когда они поженились, Иван был студентом четвертого курса, а его восемнадцатилетняя супруга была воспитателем в детском саду. Денег в семье было мало, часто не хватало на приобретение хорошей одежды, Иван часто подрабатывал, когда и где это было возможно. Он старался сделать все, чтобы его юная жена не испытывала нужду. Еще тогда он пообещал ей, что скоро придет час и в ее семье появится достаток, что она будет приобретать добротные красивые и модные вещи. Ведь молоденькой женщине, обладающей незаурядной внешностью, всегда хочется одеваться не хуже других, особенно подруг, особенно тех, которые исподтишка завидуют ей, молодой жене кандидата наук, красивого мужчине, нежно любящего ее и заботящегося о ней. Но, шли годы, а ощутимый достаток не появлялся. В семье росла дочь, которая также требовала приличного содержания, да и Иван, пользующийся большим успехом в коллективе и как ученый и как мужчина, тоже нуждался в поддержании своего имиджа. А тут еще купили «Жигули», накопив половину суммы большими стараниями, а половину, взяв в долг на три года у Коли Левитина. Одним словом, нужно было проявлять активность, чтобы оправдать свои обещания. И Иван стал думать, как, наконец, можно обеспечить семью.

Еще полгода назад руководитель международным отделом, где Николай Левитин работал старшим научным сотрудником, уехал в длительную командировку в Швейцарию, и директор назначил на его место Николая. Впредь до прохождения по конкурсу. Это назначение было неожиданным для всех. Ведь Николаю едва исполнилось тридцать. Он только два года назад защитил кандидатскую диссертацию, и всего полгода работал старшим научным сотрудником. Но он был сыном академика Николая Николаевича Левитина, бывшего в свое время директором института гигиены, где сейчас работал его сын, вернее внук. Вообще это была запутанная история. Коля Левитин в действительности был внуком академика и сыном его дочери, рано ушедшей из жизни. Поскольку в ту пор Коля остался без отца, о котором он мало что знал, академик взял и усыновил маленького Колю, несмотря на то, что у него тогда уже были еще два сына. Так Коля Левитин стал сыном академика Левитина и в свои юные годы весьма пользовался этим. Старик академик безумно любил внука-сына, многое позволял ему и часто прощал его шалости.

Коля Левитин был, безусловно, способным мальчиком. Он знал английский язык, начав изучать его с трехлетнего возраста, хорошо учился в школе, а потом в медицинском институте. А закончив обучение и став врачом, поступил в аспирантуру в институт гигиены, в котором когда-то его отец был директором. Не исключено, что в этом помог ему его знаменитый отец, и директор института, будучи благодарным учеником академика, всячески содействовал продвижению молодого Левитина. Надо заметить, что Коля и сам был весьма привлекательным и симпатичным парнем. Хорошо воспитанный, образованный, интеллигентный и остроумный молодой человек был общим любимчиком в коллективе института. И когда он стал руководителем международного отдела многие научные сотрудники, занимавшие руководящие посты в институте, с новой силой потянулись к нему. Это было понятно, так как от него теперь во многом зависело то, будет или не будет включен в план международных командировок тот или иной научный сотрудник. А поехать за рубеж хотелось многим. В их числе был и Иван. И хотя Иван и Коля Левитин уже давно считались приятелями и, может быть, даже друзьями, и новое назначение Коли Иван воспринял поначалу без мысли о какой-либо выгоде для себя, все же потом он подумал, что всю сложившуюся ситуацию надо заново переосмыслить. И сделать это нужно совместно со своим приятелем. А пока, Коля был уже руководителем отдела, а Иван все еще оставался старшим научным сотрудником, хотя защитил диссертацию двумя годами раньше. Эта несправедливость требовала корректировки.

В большом институте всегда происходит ротация кадров: молодежь подрастает, занимает высокие посты, в том числе и руководящие. Кто-то из руководителей лабораторий и отделов,

напротив, покидает свои посты по разным причинам, часто с неудовлетворительными показателями своей работы и неудовольствием начальства. В результате в институте возникают вакансии. Так и сейчас освобождалось место руководителя научно-организационного отдела и Иван, пользуясь хорошим расположением к себе директора института и, главным образом, заместителя директора Евгении Ивановны, решил попытать удачи. К тому времени у Ивана были две солидные научные публикации в соавторстве с директором института в большом академическом журнале, а совместно с Евгенией Ивановной им были подготовлены два сценария и сняты две телепередачи о работе института. Ивана знали и уважали в институте, особенно молодые сотрудники женского пола, коих было большинство. Его выступления на ученом совете всегда оставляли приятное впечатление, так как Иван умел отчетливо и ясно излагать свои мысли, его голос и интонация речи вызвали желание слушать. И Иван решился на дерзкий поступок. Он постучал в дверь кабинета Евгении Ивановны. Переступив порог, он сразу приступил к делу.

– Евгения Ивановна, у меня к Вам дерзкое предложение.

Евгения Ивановна сняла очки, отодвинула рукопись, над которой работала, и закурила очередную сигарету. Она много курила, и это был ее недостаток, в котором она сама признавалась. Но ничего не могла с этим поделать. Евгения Ивановна предложила Ивану присесть и посмотрела на него с улыбкой.

– Как Вы сказали, дерзкое предложение? Интересно. Я готова выслушать Вас, Иван Павлович.

– Евгения Ивановна, я знаю, что у дирекции имеются определенные трудности с научно-организационным отделом. Об этом не раз говорил директор, особенно его не устраивает слабая работа проблемной комиссии, наладить которую так и не удалось Владимиру Петровичу. Он подал заявление о переходе на другую должность.

– Да, в этом и моя вина, – согласилась Евгения Ивановна, – я просто не в состоянии совмещать координацию научных исследований в институте и работу проблемной комиссии. Ведь она объединяет работу более восьмидесяти институтов и кафедр по всему Союзу. Мы даже не знаем толком, сколько учреждений и ученых работают на нашу проблему. Ну, как можно управлять всем этим хозяйством?

– Евгения Ивановна, в этом как раз и суть моего дерзкого предложения. Как Вы посмотрите на то, если я стану руководителем научно-организационного отдела?

Евгения Ивановна широко раскрыла глаза, загасила сигарету и с восторгом произнесла:

– Лучшего я даже и не ожидала. Вы сможете стать мне хорошим помощником. Слава Богу, а то ведь Геннадий Иванович (директор института) мне давно дал задание подобрать кандидатуру на это место. А где я ему возьму? Ведь работа отдела требует серьезной перестройки, наладки. Но я уверена, у Вас это получится. А что долго тянуть, вот сейчас возьмем и пойдём к директору. Решать надо сходу.

Она взяла телефонную трубку и попросила секретаря соединить ее с директором. В трубке послышался серьезный голос хозяина.

– Геннадий Иванович, я нашла подходящую кандидатуру на пост руководителя научно-организационного отдела. Да, он здесь, в моем кабинете. Да, мы готовы к вам сейчас зайти.

– Наверно, надо было сказать о ком идет речь.

– Уверена, он поддержит вашу кандидатуру.

Она встала, открыла дверь кабинета и вышла в приемную. За ней вышел Иван.

– Не закрывай, пусть проветрится. Наташа, – обратилась она к секретарю, – открой, пожалуйста, там форточку.

– Так, – встал из-за стола директор, – это и есть ваша рекомендация? Я почему-то был уверен, что вы выберете именно его. Верно? Я не ошибаюсь?

– Да, Геннадий Иванович, вы не ошибаетесь. Я думаю, у Ивана Павловича все получится на этой должности. С его аналитическим умом и старанием он создаст замечательный отдел и наладит работу проблемной комиссии.

– Все это так. Но тут надо не просто наладить работу проблемной комиссии, что само по себе очень важно, но и сконцентрировать усилия многих кафедр и институтов на решение главных вопросов проблемы. Наладить работу так, чтобы научиться управлять проблемой. Ведь большая масса ученых занимается на периферии черт знает чем, только не наукой. Все это надо знать. Короче, я согласен, готовьте с 1 числа приказ о назначении до прохождения по конкурсу. У вас, кажется, сейчас командировка в Болгарию. Вернетесь и приступайте к работе на новом месте. О задачах поговорим подробно по вашему возвращению.

Директор крепко пожал руку Ивану. Тот поблагодарил его и вышел в приемную. Евгения Ивановна осталась в кабинете. По всей видимости, им было что обсудить, может быть даже в связи с новым назначением. Иван не стал никому сообщать о своем разговоре в дирекции и принятом решении. Он также ничего не сказал Николаю, хотя именно через него должно в наибольшей степени реализоваться его план. Привлечь большинство кафедр к работе в рамках проблемной комиссии можно как раз через их участие в международном сотрудничестве. Научная общественность за рубежом должна знать о проводимых в Союзе научных исследованиях, в первую очередь через международное сотрудничество. Но об этом потом, когда будет подписан приказ.

Последние дни перед отъездом шли своим чередом. Иван вместе с Николаем тщательно просмотрел доклад, подготовленный на английском языке. Они составили с десяток наиболее вероятных вопросов, то же на английском языке, и написали ответы, которые Ивану следовало выучить. Николай знал язык с детства и владел им фактически свободно, что давало ему значительные преимущества перед Иваном при подготовке материалов. Ивана это не смущало. Он был рад, что хотя и не свободно владел языком, но все же мог вполне успешно объясниться, особенно в пределах его научной компетенции.

3

И вот наступил прощальный вечер. Это был прощальный вечер перед его первой зарубежной поездкой, от успеха которой зависели все остальные поездки. Иван это отчетливо понимал, а Николай то и дело напоминал ему об этом. Прощальный ужин устроили на квартире Ивана. Собственно, это был не прощальный ужин с каким-либо особым значением, а обычная вечеринка, которых было множество у этой пары друзей и их жен.

Сразу после работы, часам к семи Иван заехал на своей машине в детский сад, где работала заведующей его жена. Вместе они заехали в один из центральных магазинов, расположенных по дороге домой, купили всякой закуски, маринованных огурчиков и несколько бутылок красного вина. Дома из приобретенных продуктов накрыли стол, как обычно, на кухне. Такой способ ужинать, да и принимать близких друзей был широко распространен в те времена в московских домах. Да и сейчас, в случае проживания в небольших квартирах, этот прием используется довольно часто. В ожидании друзей Иван занялся приготовлением своего «фирменного» блюда. Это была поджаренная вареная колбаса, нарезанная кубиками и залитая на сковороде томатным соусом. Тогда чаще всего использовали соусы под названиями «Южный» и «Восточный». Получалось быстро и довольно вкусно, а главное, это блюдо очень высоко ценил Николай, а Ивану угодить другу было приятно. Правда, Коля все это употреблял с изрядным количеством майонеза, которым он сдабривал всякую пищу. От этого, по мнению Ивана, у его друга были весьма заметные излишки жировой ткани, особенно на животе и по бокам.

Послышался звонок в дверь. Это приехали Николай и Саша Левитины. Встретил их Иван, помог раздеться, предложил тапочки. Николай передал Ивану довольно увесистую сумку. В ней тоже были продукты, прихваченные в гастрономе на ужин. Там же была пара бутылок крепленого вина. Надо заметить, что в те годы среди интеллигентных молодых людей было распространено предпочтение крепленым винам, а не водке. С ними было проще, легче. Не требовалось специальных закусок с большим количеством специй, селедочек и так далее. А может быть были и другие причины предпочтения вина.

Людмила, жена Ивана, встретила друзей на кухне, предложила вымыть руки и стала усаживать их за стол. С Сашей они поцеловались в щеки. Дружба между женщинами складывалась не просто и не сразу. Сейчас уже шел третий год их товарищеским отношениям, и только в последнее время, они стали теплее. Причиной было с одной стороны сильное чувство ревности, которое испытывала Людмила к своему красавцу мужу, а с другой стороны, откровенная несдержанность к нему со стороны Саши.

А началось это соперничество между женщинами с первого дня их знакомства. Как-то Николай пригласил к себе друзей на вечеринку. Среди них были и чета Белецких. Родители Николая уехали тогда на дачу, и просторная квартира на Беговой улице была полностью предоставлена молодым. Во время веселья начались танцы, и Саша как-то сразу прилипла к Ивану. Людмила все больше танцевала с Николаем. В одном из раутов Саша крепко прижалась к Ивану, откровенно и с призывом заглянула к нему в глаза и увела во время танца в соседнюю комнату. Свет в той комнате не горел. Стоял полумрак и Саша приблизила голову Ивана к своей. Стала горячо целовать его в губы. Толи от неожиданности, или по доброй воле Иван крепко обнял Сашу, ответил ей поцелуем и горячими объятиями. Не известно, чем могла закончиться эта неожиданно возникшая страсть, но за спиной Ивана щелкнул выключатель, вспыхнул свет во всех рожках люстры, и Иван услышал негодующий голос жены:

– Я так и знала, что вы здесь. Иван, пойдем со мной.

Она взяла Ивана за руку и вывела его на кухню. Саша оставалась в комнате в положении нашкодившей девчонки. Она как-то неловко убрала руки за спину и облизывала свои губы, еще сохранившие вкус поцелуев Ивана. В комнату вошел Николай:

– Что здесь случилось?

– Не знаю, Она ворвалась как мегера и забрала с собой Ивана.

– А что же вы делали? Просто так стояли и мирно беседовали. А Людмила ни с того ни с сего ворвалась в комнату и забрала с собой Ивана?

– Не знаю, – только и повторила Саша, сначала опустив голову, а потом смело взглянув на супруга.

Скандала не было. Просто Людмила усадила Ивана на стул и дала ему пару пощечин. Иван воспринял это как должное. Вскоре Белецкие покинули квартиру на Беговой. Час был поздний, и они долго шли пешком. Сначала молчали. Людмила не хотела слышать каких-либо объяснений, да и что можно услышать о случившемся. Иван тоже молчал. Он понимал, что любые объяснения были бы сейчас не уместны. Потом Людмила заметила:

– Ну, хороша девка. Только что познакомились, и сразу полезла целоваться. И ты тоже хорош.

– Произошло как-то все неожиданно. Конечно, во всем была ее инициатива. А что по моему мне нужно было делать, оттолкнуть ее и с криком убежать из комнаты?

– А если бы я не пришла и не включила свет, что тогда могло произойти?

– Что могло произойти? Подумай сама. Естественно ничего, Это был всего лишь легкий флирт.

– Ну ладно. Не будем портить настроение из-за этой девки. Но тебе я советую держаться от нее подальше. Мне кажется, она на все способна.

Потом их подобрала попутка. В машине они вновь молчали, и у Ивана была возможность немного подумать о случившемся. Саша, в общем-то, была симпатичной молодой женщиной с карими глазами и довольно крупным тонким носом. На голове у нее были густые волосы черного цвета, грудь упругой, а бедра податливые. Саша наполовину была армянских кровей, чем и могла объясняться ее горячность. Иван не скрывал от себя, что она немного нравилась ему и он, если бы так сложились обстоятельства, не прочь был бы сблизиться с ней. Но как теперь могут складываться их взаимоотношения. Он знал ревнивый нрав своей жены и, скорее всего, она не станет поддерживать теплые контакты с женой его друга.

– Ну, старичок, давай за твою первую зарубежную поездку. Желаю удачи и уверен, что все будет хорошо.

Это был первый тост Николая. Ему нравилось называть своего друга «старичком», ему казалось, что так их взаимоотношения становятся еще теплее, а кому этого не хочется, если чувства искренние.

– Прекрасные колбаски, – стал расхваливать фирменное блюдо Ивана, добавляя в свою тарелку изрядную порцию майонеза, – вот никто так не сможет их приготовить, как ты. Это ведь целое искусство. Давай старичок, еще по одной, что б во всем тебе сопутствовал успех.

Николай хотя и был несколько моложе Ивана, но в зарубежных поездках он преуспел давно. Даже побывал в США, где он провел почти месяц, изучил работу национального института гигиены окружающей среды, подготовил встречу его руководства с директором института. Словом, считался уже опытным специалистом в области международных отношений по научной проблеме. Он также координировал работу в рамках СЭВ по проблеме гигиены окружающей среды, побывал годом раньше в Болгарии, и сейчас на правах бывшего человека давал полезные советы своему другу.

Вино заканчивалось. Полупустой чемодан был собран. Все возможные инструкции были получены, время было ночное. Людмила разобрала для Левитиных узкую постель на старом диване, который стоял в этой же комнате, завели будильник на шесть и вскоре заснули. А когда по звону будильника проснулись, Иван понял, что ему чертовски хочется спать. От выпитого вина во рту все пересохло, а голова была тяжелой. «Вот бы сейчас еще поспать, но... нельзя. Пора вставать и в путь». Все остальное не заняло и сорока минут. Саша оставалась спать,

соблазнительно растянувшись на узком диванчике. Вышли из подъезда дома. На дворе стоял крепкий мороз, ветки деревьев покрылись густой изморозью. «Градусов тридцать не меньше, – подумал Иван, – как-бы машины не подвели».

Две машины стояли рядом: у Ивана вторая модель, у Николая – шестая. Стояли они напротив отделения милиции, что создавало определенную безопасность. Кроме того, здесь всегда горели уличные фонари и лампочки над подъездом отделения милиции. Ну, кому придет в голову лезть в эти машины, когда чуть поодаль в темноте стоят такие же, но не защищенные. Милиция сперва гоняла их: стоять напротив подъезда милиции не разрешалось. Но дорожный знак, запрещающий стоянку, не выставляли, и Николай сумел-таки договориться с милиционерами, чтобы те не прогоняли машины.

Иван первым попробовал завести свою машину. Он вставил ключ в скважину дверного замка и тот с трудом повернулся, хотя накануне Иван набил замочную скважину жидким моторным маслом. Включился в салоне свет, и он показался Ивану каким-то тусклым. Тревога закралась в его душу. Недолго думая, он вставил ключ в гнездо зажигания, потянул на себя подсос, отжал педаль сцепления и повернул ключ. В ответ он услышал предательский ноющий звук стартера, пытающегося прокрутить коленчатый вал двигателя с замерзшим маслом. Одна, вторая безуспешная попытка и аккумулятор «сел» совсем. Даже свет в салоне погас. «Все! – с горечью подумал Иван, – теперь вся надежда на шестерку». Но и там история провала повторилась. Приятели остались на мели. Надо было срочно что-то придумывать, искать машину. «Надо было заказать такси, и не было бы такой проблемы». Однако надо двигаться. Время семь утра, через полчаса начнется регистрация. Друзья продвинулись к улице в надежде перехватить любую машину, за любые деньги. Нельзя срывать первую зарубежную поездку. Это поставило бы под угрозу всю международную карьеру Ивана. Мороз крепчал или друзья все больше нервничали. Они стали подпрыгивать на месте. В стороне от них стояла Людмила и рядом с ней чемодан. Время шло, и с каждой минутой таяла надежда на благоприятный исход всей кампании. Все-таки это был по тем временам «спальный» район и машин в столь ранний час здесь просто не было. Вдруг из-за поворота улицы, у школы, появились два ярких огня, которые быстро приближались. Молодые люди вышли навстречу машине. Та остановилась. За рулем армейского Уазика сидел солдатик и таращил глаза на прилично одетых молодых мужчин. Коля умел обделывать такие дела, в отличие от Ивана. Он сунул в руку солдатика червонец и сказал: «Выручай старик, опаздываем на самолет. Вот он летит за границу с важным заданием, а наши машины не завелись. Срочно нужно ехать в Шереметьево». Солдатик взглянул на червонец в его руке, потом на Ивана и начал было канючить, мол, нам нельзя, на дорогах проверки. Но Николай строго возразил. «Перестань, какие проверки. Ты повезешь старшего лейтенанта медицинской службы. Он тебя отмажет от любой проверки на дорогах». Наконец, солдатик согласился, быстро закинули в машину чемодан, спешно попрощались и Уазик с хорошо прогретым мотором рванул с места. Через мгновение и он скрылся за поворотом. «Не расшибся бы солдатик, – сказал Николай, – дорога скользкая». «Ну, слава Богу, уехали», – ответила Людмила.

Через полчаса Иван уже был в здании аэропорта Шереметьево и подошел к стойке регистрации. Посмотрел на табло и не увидел свой рейс. Он обратился к служащим аэропорта и с ужасом узнал, что регистрация на Софию уже закончилась. Что же теперь делать? В этот момент он услышал сообщение о том, что гражданин Белецкий должен срочно пройти регистрацию на рейс такой-то до Софии, его ждут при посадке в самолет. Он ринулся к стойке регистрации. «Это я Белецкий, опаздываю на рейс до Софии. Вы слышали объявление? – обратился он к служащим таможни. Ему все же пришлось заполнить декларацию (как попало) и предъявить чемодан, словом, пройти все положенные процедуры при отлете за рубеж. И когда он появился у нужных ворот на посадку, ждавшие его там стюардессы, облегченно вздохнули. «Где же вы пропадали, мы уже хотели уходить», – пожурела одна из них. «Машина не заве-

лась: мороз», – ответил он с извинениями. Его провели в салон и усадили в кресло. «Спасибо, спасибо», – суетился Иван, устраиваясь в кресле. Слева от него сидела крупная дама в шляпке странной формы. Она посмотрела на него и скривила улыбку:

– Вы и есть Белецкий Иван Павлович? – обратилась она к Ивану. Тот кивнул головой, не придав значения заданному вопросу. – Я так и знала, что что-нибудь с вами произойдет. Много наслышана о вас. Везде вас хвалят, и я думаю неспроста. Вы позволяете себе опаздывать на международный рейс.

– Где там позволяю? Я действительно чуть не опоздал, но виноват не я, а сильный мороз. Машина не завелась ни у меня, ни у моего приятеля. А, собственно, с кем имею честь? – уже догадываясь, с кем он разговаривает, спросил Иван.

– Гвоздикова Алла Петровна, Харьковский НИИ гигиены труда.

– А-а, понятно. Нас не успели познакомить в Минздраве. Теперь будем работать вместе.

– А Вас это не устраивает?

– Устраивает вполне. Я лишь беспокоюсь за Ваш английский.

– Мне сказали, что Вы сможете мне помочь. А, кроме того, там есть сотрудница, которая знает английский и русский. Она одно время стажировалась в нашем институте, и я ей помогала. Теперь она поможет мне.

«Ну, слава Богу, – подумал Иван, – мне не придется отдуваться за эту персону. И Соню Табанову она не будет беспокоить». А Гвоздиковой он одобрительно ответил: «Хорошо, что вы все предусмотрели. Теперь я спокоен за вас». Самолет побежал по взлетной полосе и вот оторвался от поверхности земли, стал набирать высоту. Пристегнули ремни, и Иван вздохнул с облегчением. Первая его заграничная поездка началась.

Глава 2.«Мартинички»

1

«Наш самолет произвел посадку в аэропорту города Софии, – услышал Иван усиленный голос стюардессы, – просьба оставаться на местах...». Иван проснулся окончательно. «Кажется, я проспал весь полет. Надо же «произвел посадку», а почему не просто «сел» или хотя бы «приземлился, – съязвил Иван по поводу корявости русского языка.

– Что Вы сказали? – Спросила его Алла Петровна.

– Кажется, я проспал всю дорогу.

– Вы даже не расстегнули ремни.

– Да, это так, – Иван расстегнул привязные ремни и стал дожидаться остановки двигателя, когда пригласят на выход. В окнах иллюминаторов сиял солнечный свет. Было тихо и мирно, как и подобает быть в благодатном крае.

Завершив формальности, Иван вышел в зал прилета, где сразу же наткнулся на Марию Тучкову, бывшую аспирантку профессора Данцига. Она встречала Ивана и быстро взяла его под руку, пытаясь утащить в город.

– Здравствуй, Мария.

– Здравствуй, Иван. Как долетел? Ты какой-то помятый. Наверно, спал в самолете.

– Угадала, проспал весь полет.

– Ну ладно, сейчас поедem в гостиницу. Не беспокойся, ее встречают наши коллеги из отдела гигиены труда, – указала она на Гвоздикову, выглядевшую несколько растерянно. Но скоро подошли и к ней и тоже повели на выход.

Солнечная Болгария. Солнечная София.

– Ты как-то тепло оделся. У нас весна.

– А у нас сегодня утром был тридцати градусный мороз. Все еще надоевшая зима.

– А это тебе презент. «Мартиничка», – Мария протянула ему значок, выполненный из какой-то материи желтого цвета. Он слегка напоминал весенний цветок. – У нас в начале марта все дарят друг другу «мартинички» и поздравляют с началом весны.

– Хорошая традиция, – Иван взял «мартиничку» и пристроил ее на лацкан пальто. Был полдень и солнце припекало чувствительно. Иван снял с головы шляпу, так нелепо выглядевшую в этом солнечном крае, поблагодарил Марию за презент, подхватил чемодан и направился к стоянке машин.

Аэропорт оказался не далеко от города и минут через двадцать такси (а это оказалась «Волга» к удивлению Ивана) остановилось у большого серого здания с тяжелой дверью и высоким подъездом. После недлительной процедуры регистрации Иван попрощался с Марией, еще раз поблагодарив ее за встречу и направился в сторону лифта. Мария чуть задержала его. Она шутливо заметила:

– Сегодня по регламенту мой день и я должна курировать своего старшего брата. – Надо заметить, что тогда в Болгарии была распространена присказка «старший брат». Так болгары называли русских, много добра сделавших для их страны. Вот и сейчас с помощью «старшего брата» Болгария строила социализм. – Сейчас отдыхай, а в пять часов спускайся в холл, будем ужинать. Я тебя познакомлю с одним замечательным мужчиной. Он тебе понравится. Посидим, поговорим. У тебя есть другие планы, я не спросила.

– Спасибо, Мария. У меня других планов пока нет. Я буду в пять часов в холле.

Оказавшись в номере, первым делом Иван забросил на шкаф шляпу, решив, что здесь она ему больше не понадобится. Раздевшись и умывшись, он кинулся на постель, полагая,

что может уснуть. Но вдруг почувствовал легкий голод. Достал электрический кипяtilьник, чашку, набрал воды из-под крана, включил кипяtilьник в розетку. На первое время он прихватил с собой несколько сырков, печенье, плитку шоколада и пачку чая. Соорудив легкий полдник, он утолил чувство голода, опять завалился на кровать и решил обдумать ситуацию. Все, кажется, складывалось по плану. Несмотря на возникшие трудности, сильный мороз и слабый аккумулятор, он оказался в Софии. Так протекала его первая заграникомандировка. На завтрашнее совещание все было готово и вроде бы беспокоиться не о чем. Иван слегка задремал.

Открыл глаза в четыре часа. Пора собираться на встречу. Принял душ, побрился, надел свежую голубую сорочку, повязал галстук и, осмотрев себя в зеркале, убедился, что выглядит неплохо. Спустился в холл чуть раньше назначенного времени, Марии там не было. Он сел в первое попавшееся кресло и через пару минут к нему подлетел официант. Спросил, не желает ли господин чего-нибудь выпить. Иван, поблагодарив, отказался от предложения и в этот момент увидел Марию с мужчиной, входящих в холл. Он помахал им рукой, поманил к себе. Официант, увидев приближающуюся пару, отошел в сторону и стал дожидаться распоряжений.

Познакомились. Друг Марии, оказалось, тоже учился в Москве, в энергетическом институте, и сейчас занимает видный пост в муниципалитете города. Он хорошо говорил по-русски и потому сразу взял лидерство в разговоре. Официант принес Мартини. Стоян, так звали друга Марии, предложил Ивану попробовать этот напиток, сказав при этом, что в Москве его не подают в ресторанах. Иван поблагодарил, пригубил мартини, который ранее никогда не пробовал, но о котором много слышал, кивнул в знак одобрения головой и предложил тост за знакомство. Мария поддержала тост, подняла бокал, Иван и Стоян сделали то же самое. Раздался звон хрустала. Сейчас Ивану мартини показался приятнее: легкое вино со слегка заметной горчинкой. Стоян жестом подозвал официанта и сделал ему какие-то распоряжения. Потом повернулся к сидящим рядом и объяснил, что он сделал заказ на ужин и что через двадцать минут все будет готово. Ивана несколько удивила расторопность и услужливость, царившие в холле гостиницы. Все это было как-то необычно, не по-русски, что ли. «Да, – подумал Иван, – Болгария все же за граница». А Стоян тем временем развивал свою тему. Он рассуждал о том, что социализм – это конечно хорошо, но было бы лучше, если бы при этом был свободный рынок с присущей ему конкуренцией, частное предпринимательство и больше свободы печати. При этом он спросил Ивана, согласен ли он с его мнением? «Да, возможно, – ответил Иван и добавил, что он как-то всерьез об этом не думал. «У меня сейчас несколько иного рода заботы. Я работаю над докторской диссертацией». «И как она близка к завершению»? «Нет, еще много дел, но можно сказать, что я нахожусь на полпути к финишу». Мария с оживлением восприняла эту информацию и предложила тост за успехи Ивана в работе. Стоян поддержал это пожелание. Допили мартини и вскоре перешли в зал ресторана, откуда распространялись ароматные запахи. Помимо зеленого салата на ужин подали национальное блюдо, очень напоминающее наше люля-кебаб с аппетитным соусом, типа ткемали. Официант также принес бутылку сухого французского вина, показал этикетку Стояну и после его одобрения откупорил бутылку. Ужин прошел в теплой дружеской обстановке. Иван всячески нахваливал кушанье – оно действительно было вкусное и ароматное, а Стоян больше не приставал к Ивану с разговорами о свободной рыночной экономике.

Вышли из ресторана, постояли немного на улице. Был теплый весенний вечер. Иван поблагодарил Марию и Стояна за угощения и теплую интересную беседу. Мария напомнила, что завтра сбор в холле в половине девятого. Насколько ей известно, все участники совещания поселились в этой гостинице, потому что был заказан один автобус, но большой. Попрощались, и Иван поднялся к себе в номер. Шел восьмой час, спать еще рано и Иван решил выйти на прогулку. Надел пальто и вышел на улицу. Было оживленно. Всюду торопились куда-то молодые парочки и солидные мужчины, во всем чувствовалось праздничное настроение.

Иван прошел вдоль стеклянных витрин кафе, за окнами которого у небольших столиков сидели хорошо одетые люди. Они оживленно беседовали, улыбались друг другу, пили кофе. Прошел мимо высокого подъезда старинного здания гостиницы, на гранитных ступенях которого стояла красивая девушка в короткой юбке и красного цвета пиджаке. Она кого-то поджидала, ни его ли? Девица тем временем провела взглядом Ивана и спросила его на болгарском языке, затем по-английски, не может ли она ему чем-либо помочь. Он также ответил ей по-английски, сказав спасибо, но ему сейчас ничего не нужно. Иван перешел площадь, в центре которой был монументальный памятник царю-освободителю Александру Второму. У постамента были цветы. Постояв немного, он перешел площадь и увидел вход в большой магазин. Не мешало бы купить что-нибудь из еды и может быть бутылочку коньяка. Там, в Москве, он иногда покупал болгарский коньяк «Плиски». Ему нравился его аромат и мягкий вкус. Он взял тележку и принялся бродить вдоль витрин. Поражало изобилие продуктов, не свойственное в ту пору московским магазинам. Иван погрузил в тележку сыр, печенье, яблоки и конечно «Плиски». С этим грузом, упакованным в картонный пакет, он вернулся в гостиницу. Ну вот, теперь он может продолжить вечер.

2

В эту ночь спал он крепко без сновидений, что случалось довольно редко. Очевидно, сказала плохая ночь перед отлетом и нервное напряжение, связанное с риском опоздать на самолет. Утром его разбудил будильник жалобным попискиванием. Этот будильник дал ему в дорогу Николай Левитин, который в свою очередь приобрел его в США, как полезную безделушку. И теперь он всякий раз берет с собой этого электронного сторожа.

Настроение было бодрое. Легкая зарядка, бритье, душ, домашний чай, приготовленный на электрическом кипятильнике, печенье с сыром, и наш герой готов отправиться на первое в своей жизни международное совещание, где рабочим языком был английский. Спустившись в холл, он очутился в толпе незнакомых ему людей, некоторые из них небольшими группами что-то обсуждали. Иван в отдельности с каждой группой поздоровался, пожелав доброго утра и было, уже собрался на выход к стоявшему у подъезда автобусу, но тут его окликнула девушка, сидевшая за столом с табличкой «Registration». «Hello, mister! Can I ask you come here for registration»¹. У стола с табличкой помимо приветливой дамы, исполнявшей роль регистратора, стояла Гвоздикова и беспомощно озиралась по сторонам. Увидев Ивана, она махнула ему рукой и громко позвала, очевидно, боясь, что он ее не заметит. Не заметить Гвоздикову было сложно. Она уверенно отличалась от других участников совещания угловатой крупной фигурой и все той же нелепой шляпкой на голове, которую заметил Иван в первый миг своего появления в самолете.

– Хеллоу, мадам. Доброе утро. Как вы провели вчерашний вечер? У Вас проблемы?

– Здравствуйте, Иван Павлович. Вот нужно заполнить регистрационный лист на английском языке. А я не могу, и никого рядом нет, кто бы мне помог. Подскажите, как? Ведь вы знаете.

Прежде чем приступить к регистрации Гвоздиковой, Иван поприветствовал регистратора и назвал себя.

– О, да. Вот вам регистрационный лист. Он не сложный. Я думаю, у вас не будет с ним проблем. И если вы не против, помогите, пожалуйста, мадам Гвоздиковой. В этом списке участников ее имя пишется следующим образом. Ваше имя выглядит вот так. Если здесь ошибки, прошу исправить.

Иван без труда справился с этой несложной задачей и заполнил нужные графы на английском языке в регистрационных листах Гвоздиковой и Белецкого. Участники совещания постепенно стали подтягиваться к автобусу. Советские участники последовали за ними.

Совещание рабочей группы ВОЗ по УФ-излучению проходило в здании Софийского института гигиены, который также активно занимался этой проблемой. Пройдя в зал заседания, участники совещания стали размещаться на местах помеченных табличками, где на английском языке были написаны фамилия и страна. К огорчению Гвоздиковой ее место было в стороне от места Ивана, и она оказалась в окружении англоязычных мужчин. Круглый стол, за которым расположились участники совещания, был большой, так что мест хватило всем двадцати двум приглашенным.

Сидящий слева от Ивана рыжеволосый молодой мужчина обратился к нему со словами приветствия и протянул руку для пожатия. Иван ответил взаимностью.

– Дэвид Стоун, – представился рыжий парень, – а вы? Он повернул к себе табличку, прочитал фамилию и с восторгом произнес. – Как хорошо, что мы сидим рядом. Я читал ваши работы и непременно желал с вами познакомиться лично.

---

¹ англ. – Хеллоу, мистер! Могу я вас попросить подойти сюда для регистрации. Для простоты изложения прямой речи, в которой будет много слов на английском языке, автор будет прибегать к русскому.

Такой напор молодого американца несколько ошеломил Ивана. Он поблагодарил Дэвида и выразил уверенность, что у них будет достаточно времени, чтобы узнать друг друга поближе и поговорить о науке. «Интересно, – тем временем подумал Иван, – где он мог читать мои статьи, да еще на русском?»

Открыл совещание директор софийского института. Он попросил внимания, и когда наступила тишина, поприветствовал участников и сказал короткую речь о важности проблемы изучения УФ-излучения, о том, что их институт много лет занимается этой проблемой и о его работах известно не только в Европе, но и в США. Затем он предложил избрать председателя из числа участников совещания. Кто-то из сотрудников ВОЗ предложил избрать председателем профессора Урбаха из ФРГ. Возражений не было. Профессор Урбах, чернявый немец неимоверно крупный, принял переданную ему табличку с надписью «Chairman», поблагодарил участников за доверие и работа началась.

Первым делом, председатель предложил каждому представиться и кратко изложить его профессиональные интересы. Подробные материалы будут представлены в последующих докладах каждого из приглашенных на совещание. Председатель начал с себя. Он был примерно краток, полагая, что собравшаяся аудитория знает профессора Урбаха и его профессиональные интересы. Его спич не занял более трех минут. Так как председатель сидел справа от Ивана на расстоянии не более пяти человек, очередь представляться Ивану подошла довольно скоро. Он едва успел набраться опыта, но говорил то же не более пяти минут, чем вызвал симпатию и одобрение председателя. Затем говорил рыжий американец. Оказалось, что он занимается проблемой канцерогенеза кожи у военнослужащих США. Эпидемиология и средства защиты от рака кожи при гипероблучении – его профессиональные интересы. Это совсем не совпадало с интересами Ивана, как специалиста в области УФ-излучения. Несмотря на это знакомство развивалось. Они обменивались краткими комментариями почти по каждому из выступлений. Дэвид заинтересовался работами Гвоздиковой, материалы которой озвучила сотрудница софийского института. Одной из последних держала речь молодая симпатичная женщина из софийского института. Короткая аккуратная стрижка на милой головке, белая блуза и черного цвета жакет оставляли самое приятное впечатление. Иван не сразу узнал ее. Крупная фигура председателя отчасти закрывала маленькую фигурку женщины. Это была Соня Табанова, с которой он несколько лет назад танцевал на новогоднем вечере в институте, танцевал и даже целовался потом у себя в кабинете. Иван знал о том, что Соня будет работать на этом совещании, но как-то упустил из виду, что она должна быть здесь. Наверное, волновался очень. Дэвид по поводу Сони сказал, что она просто красotka. А Иван заметил, что Соня его хорошая знакомая. Иван улыбнулся Соне и кивнул головой, показал большой палец правой руки в знак одобрения то ли ее речи, то ли ее внешности. В ответ он получил лучезарную улыбку женщины. Дэвид сказал, что он завидует Ивану.

Председатель объявил «кофе-брейк».

Народ столпился у маленьких столиков с тарелками разного печенья, чашками с кофе и чайными пакетиками. Занимались самообслуживанием. Соня сразу же подошла к Ивану, взяла его за руку, здороваясь, потянулась к лицу, поцеловала в щеку.

– Здравствуй, Ванечка, – сказала она, – я так рада снова увидеть тебя. Ты так возмужал, стал солидным мужчиной. И не узнал меня. Ты посмотрел на меня несколько раз и всякий раз не узнал меня. Я уж подумала, что ты не хочешь меня узнавать.

– Ну как ты такое придумала. Я безмерно рад видеть тебя. Я знал заранее, что ты будешь работать в нашей группе, и ждал нашей встречи. Я волновался. Это мое первое международное совещание и вообще первая заграничная поездка. А ты как похорошела. Родной болгарский воздух на тебя прекрасно влияет. В Москве ты казалась уставшей, замученной. А сейчас совсем другое лицо. Прекрасная внешность, отличный язык.

– Ну, хорошо, ты еще успеешь все это мне сказать. Скажи лучше, чем я тебе могу помочь. Я знаю, у тебя чеки Кука и тебе надо их разменять на доллары, а ты наверно не знаешь, как это сделать?

– Да, ты права Сонечка. Я буду тебе очень признателен за помощь.

– О чем ты говоришь. Сегодня после совещания я отведу тебя в обменник. Это недалеко от твоей гостиницы.

Их разговор прервал Дэвид, появившийся вдруг с чашкой кофе в руке.

– Иван, представь меня даме, – попросил он – меня зовут Дэвид Стоун. Я из института военных исследований США. Остальное я сказал в своем представлении, – с улыбкой закончил он.

– Меня зовут Соня Табанова. Я работаю в этом институте. Ранее училась в Москве в аспирантуре. Иван Белецкий мой старый товарищ.

Поговорили о разном, и вскоре всех пригласили за круглый стол. Начались рабочие будни совещания ВОЗ. Выступления, дискуссии, протокол. Это все нравилось Ивану. Английский язык требовал от него большого внимания и напряжения. Он боялся упустить что-то важное и не суметь ответить на поставленный кем-либо вопрос. Один раз такое уже случилось. Высокий и тощий американец с яростью, как показалось Ивану, задал ему вопрос на непонятном для него языке. Иван переспросил, но со второго раза так и не сумел понять, что же от него хотел этот парень. На выручку пришел сидящий рядом Дэвид. Он ответил американцу, чтобы тот не приставал с дурацкими вопросами, а Ивану объяснил, что этот парень из Техаса, а у них такой диалект и темп речи, что даже мы, северяне, не сразу понимаем, чего они хотят.

Обедали в небольшом ресторанчике неподалеку от института. За обедом сидели вместе с Соней. Говорили по-русски. Дэвид не вмешивался в разговор, давал возможность старым друзьям наговориться вдоволь. Соня сказала, что она берет обязательство во всем помогать Ивану, одним словом, курировать его. Иван ответил, что принимает ее опеку с огромным удовольствием и надеется на то, что ее помощь не будет ограничена только деловыми вопросами. София – прекрасный город, стоит хорошая погода, и он был бы рад, если бы они выбрали время для прогулки по городу. Соня дала обещание сделать это, причем с превеликим удовольствием. Теплая беседа старых друзей не осталась незамеченной Дэвидом. Вставая из-за стола, он улыбнулся Ивану и незаметно для Сони подмигнул ему.

«Хитрая bestия, этот американец, – подумал Иван, – но, в общем, не плохой парень».

Когда ехали в гостиницу после окончания первого рабочего дня в автобусе, Соня и Иван сидели рядом. Из под короткой черной юбочки виднелись острые коленки Сони. Ноги Ивана как-бы невзначай порой прикасались к ним. На крутых поворотах автобус заносило, и молодые люди тесно прижимались друг к другу. В такие моменты Ивану очень хотелось поцеловать Сонечку. Она коротким понимающим взглядом одаривала его и слегка улыбалась. Приехали, стали втягиваться в гостиницу. Соня предложила Ивану пройти к администратору и выписать чек на оплату гостиницы. Это не заняло более десяти минут.

– Может, поднимемся ко мне? Выпьем чаю, отдохнем чуть-чуть? – предложил Иван. Ему очень не хотелось расставаться с Сонечкой.

– Не знаю. Удобно ли. Да и дел много.

– Ненадолго. Ну, пойдем, пожалуйста, – попросил Иван.

Соня уступила. Вошли в номер. Иван помог Соне снять легкую курточку, в которой она была, снял свое пальто, предложил Сонечке сесть, а сам занялся приготовлением чая. Через пять минут было все готово, и даже коньяк стоял на столике. Иван предложил выпить и Соня не отказалась.

– За нашу встречу спустя столько времени. Пусть она будет счастливой.

Выпили по глотку, перешли на чай с сыром и печеньем.

– Будем считать, что это я у тебя в гостях. Ладно?

– Ладно, – согласился Иван, улыбаясь, – только угощать почти нечем.

– Налей еще по глотку и пойдем.

Выпили. Протянули друг к другу руки и поцеловались. Это был их первый поцелуй за прошедшие три года.

– Следующий раз я приглашу тебя в гости, чуть позже. Ты согласен?

В знак согласия Иван кивнул головой и поцеловал Соню еще раз.

– А теперь пора, – твердо сказала Соня и потянулась к своей курточке.

3

В этот вечер они успели сделать немало. Прежде всего, обменяли в обменнике чеки на доллары и отдельно доллары на левы. Иван все рассчитал: он заплатил за гостиницу болгарской валютой, оставил левы для себя в тех пределах, что было разрешено бухгалтерией Минздрава, а часть нетронутых долларов оставил для отчета в бухгалтерии. Николай перед отъездом предупредил Ивана, что нужно соблюдать все правила отчетности при расходовании иностранной валюты. Особенно строго нужно относиться к американским долларам.

После того как оплатили проживание в гостинице, Соня предложила Ивану небольшую прогулку по ближайшим магазинам: ведь наверняка Иван захочет что-то купить для дома и семьи в подарок из Болгарии. Соня была деликатной женщиной и, показав где что можно купить, оставила Ивана одного без опеки, понимая, что ее присутствие во время выбора покупок может смутить Ивана. «Какая приятная женщина», – подумал Иван с благодарностью о Соне и пустился в путешествие по магазинам. Он решил не спешить с покупками. Сначала стоило разузнать, что вообще можно здесь купить, а потом уж составить план и делать выбор.

Так он потратил все свое свободное время до закрытия магазинов. Кое – что ему понравилось: для жены ему приглянулась короткая шубейка из овчины, простегнутая кожаными лоскутами сверху вниз, коричневого цвета, довольно легкая, но теплая. В такой шубейке удобно сидеть за рулем автомобиля. Ведь Людмила уже получила водительские права и совсем неплохо справлялась с вождением их машины. Вещь красивая и практичная. И хотя скоро придет весна, но потом опять будет зима, а у Людмилы как раз такой стильной шубейки нет. Он почему-то подумал, что Саша Левитина позавидует ей, хотя у той была приличная дубленка, в то время большой дефицит. Для себя он подобрал элегантный костюм темно-синего цвета. Он даже примерил его: костюм оказался Ивану впору. Но и здесь он не спешил с покупкой. Может быть, все же стоит посмотреть что-либо в других магазинах? Для дочери, которой было десять лет, он пока ничего не подобрал. Может быть, вот эти брючки в клеточку и к ним шерстяной свитер с затейливым рисунком? Может быть, еще что-нибудь. Все это были нужные вещи и затраты на их приобретение должны быть оправданы. Ведь большую часть денег он взял из бюджета семьи и еще в Москве пред отъездом обменял на левы. Ну и конечно нужно закупить жене колготки, которых в Москве тоже не хватало. Да еще всякие подарки Николаю, его жене Саше, и еще была женщина, которой Иван тоже хотел сделать подарок из Софии. Но это уже другая история.

Вернувшись в гостиницу, он почувствовал, что здорово проголодался. Когда шел по коридору к своему номеру он уловил вкусные запахи готовой пищи и характерный гомон за дверью кафе. Он заглянул в комнату и увидел, что там были свободные столики и лишь несколько человек посетителей. Решение пришло сразу. Он не мог противостоять всем этим запахам и активному побуждению голодного желудка. Зайдя к себе в номер, он снял пальто, вымыл руки и вернулся в кафе. Здесь было самообслуживание. Иван выбрал порцию сосисок, салат, булочку, взял стакан вина, приветливо поглядывавшего на него с витрины кафе. Со всем этим справился довольно быстро. Все было вкусно, лишь вино оказалось излишне кислым. Поэтому, придя к себе в номер, он налил в стакан «Плиски» и запил кислое вино терпким коньяком. Повалился на кровать и почувствовал что засыпает, заставил себя раздеться и полностью предался морфею. Так закончился первый рабочий день международного совещания, в котором, помимо всего прочего, был поцелуй женщины.

Следующие дни оказались загруженными полностью. Доклады и их обсуждение, работа над текстом «решения», дискуссии, оживленные беседы в перерывах заседания, а вечером шоппинг. Все, что Иван запланировал купить еще в первый вечер, он выполнил с лихвой. Ранее пустой чемодан сейчас закрывался с трудом. Кроме того, появилась еще большая пластиковая

сумка, в которой спокойно лежала шубейка для супруги, дожидалась своего часа, когда обнимет свою новую хозяйку.

Во время совещания Иван почти не общался с Соней. То Дэвид, то Гвоздикова занимали все короткое время, отведенное на кофе-брейк. Хотя за обедом Иван все также сидел с Соней и Дэвидом, как и в первый день и имел возможность для интимной беседы, но такой разговор не получался. После совещания Соня оставалась в институте, ссылаясь на неотложные дела по работе. Иван справедливо полагал, что он сам виноват в этом, слишком увлекся работой, а вечерами – шоппингом. Мог бы пригласить Сонечку к себе или, по крайней мере, погулять по городу, посидеть в парке или сходить в кафе. Теперь уж поздно, осталась пара рабочих дней, и все, больше они никогда не будут вместе. Это чувство вызывало тоску и печаль. Наверное, то же самое чувствовала и Соня.

Поэтому на следующий день, Иван перехватил Соню при входе в зал заседаний, поздоровался и шепнул ей, что хотел бы поговорить во время кофе-брейка. Соня улыбнулась, кивнула головой в знак согласия и сказала, что она «украдет» его от надоедливой публики: слишком большой успех Иван имеет здесь. Последнее заинтриговало Ивана, он не знал о чем думать, как и куда она хочет его «украсть». Лишь только председатель объявил перерыв, Иван сразу направился к выходу. Сюда же подоспела и Соня. Она взяла его за руку и повела вдоль по коридору.

– Я хочу показать тебе свою лабораторию. Ты не против?

– С удовольствием посмотрю, это конечно очень интересно. Но я хотел извиниться перед тобой.

Соня взглянула на него, вопросительно подняла брови. Здесь они подошли к двери, и Соня ключом открыла ее.

– Входи, пожалуйста, это мой кабинет.

Иван огляделся. Было все довольно компактно: на длинном лабораторном столе были расставлены различные электронные приборы, необходимые для лабораторной практики. Рядом был стол хозяйки лаборатории, стул и кресло. На столе стоял микроскоп, настольная лампа. Соня повернулась лицом к Ивану:

– Ну как тебе, кажется все на месте?

– Очень хорошо. Сонечка, я виноват. Вместо того чтобы стараться уделить время для наших встреч, я занимался своими делами. А теперь осталось всего два дня. Мы так и не успели поговорить. Может быть, мы сегодняшний вечер проведем вместе? Приходи ко мне или пойдем в кафе. У меня еще остались деньги. Их все равно надо потратить.

– Нет, никуда мы не пойдем, но будем вместе. Я приглашаю тебя к себе в гости. Ты посмотрел мою лабораторию, а теперь посмотришь мой дом. Там и поговорим обо всем и поужинаем, нам никто не будет мешать. Мы будем только вдвоем. – Соня обвила руками голову Ивана и поцеловала его в губы. Иван крепко обнял Соню.

– Спасибо, Сонечка. Это ты хорошо придумала. Я буду счастлив, быть с тобой вдвоем. – Иван также поцеловал Соню.

– А теперь пошли на кофе-брейк, а то тебя заждались твой Дэвид или твоя Гвоздикова. У вас с ней что, роман или как? – в шутку спросила Соня, пока они возвращались к конференц-залу.

– Мне нравишься только ты, – серьезно ответил Иван.

После обеда Соня уехала домой, готовить ужин. Договорились встретиться в семь часов у памятника царю-освободителю, что стоит на центральной площади недалеко от гостиницы. А тем временем, на совещании было объявлено, что завтра, в последний день, после подписания протокола состоится туристическая поездка в горное село, где гости будут ознакомлены с национальными традициями болгарского народа. Там же состоится ужин. «Как хорошо, что Соня меня сегодня пригласила к себе. Завтра бы было некогда. Впрочем, она как организатор совещания, наверно знала о предстоящей экскурсионной поездке».

Иван чуть раньше назначенного срока подошел к месту встречи. Здесь было довольнолюдно: подходили и уходили парочки, покупали цветы и «мартинички». Иван тоже купил цветы и «мартиничку» для Сони. Отошел чуть в сторону, беспокоясь, что в толпе она не заметит его. «Интересно, с какой стороны она придет?» Ровно в семь часов со стороны, примыкающей к площади улицы, появилась Соня. Она была в легкой курточке белого цвета и темных джинсах. Увидев Ивана, она помахала ему рукой и направилась к памятнику. Иван не стал дожидаться, когда она подойдет к нему, и пошел на встречу. Встретились, слегка обнявшись, и Иван протянул Соне цветы и «мартиничку». «Желаю счастья» – пробормотал Иван и поцеловал Соню в щеку.

– Спасибо, Ванечка, – улыбнулась Соня и стала пристраивать «мартиничку» к лацкану курточки.

– Давай я помогу, – предложил Иван и пока возился со значком, чувствовал горячее дыхание женщины.

– Здесь недалеко, три квартала. Давай пройдемся пешком, – она взяла его под руку, как близкого человека, плотно прижалась к его руке и последовала рядом. Ивану показалось, что эта совместная прогулка в тесном контакте доставляет Сонечке удовольствие.

Соня жила в старом каменном трехэтажном доме в небольшой квартирке, состоящей из одной комнаты. Здесь такие комнаты называют студиями. К комнате примыкает кухня и ванная комната с туалетом. Немного мебели и густые шторы на окне. В углу студии в углублении устроена постель, прикрытая раздвигающейся шторой. В другой стене был камин и против него пара кресел. В стороне от камина стоял диван, затем большая тумба с телевизором и магнитофоном. Посреди комнаты стоял круглый стол, над которым висел абажур, напоминавший «мартиничку». Вот и все. В прихожей, также примыкавшей к студии, был встроенный шкаф из нескольких раскрывающихся секций, который вмещал всю необходимую одежду хозяйки.

Раньше Соня жила в большой трехкомнатной квартире в новостройке, где-то на окраине столицы. Но после развода с мужем состоялся размен, и Соня переехала сюда. С ее слов, она была довольна. По крайней мере, это был центр города и отсюда легче добираться до института. А что еще у нее осталось после развода с мужем? Обо всем этом она успела рассказать Ивану по дороге к ее дому. В ее голосе слышалась теплота и доверие к другу.

– Ну, вот и пришли. Заходи, раздевайся. Вот вешалка, – пригласила Соня, – снимай туфли, надень тапочки. Проходи в комнату.

Соня включила свет и торшер, усадила Ивана в кресло, включила телевизор. На экране появилась женщина-диктор, она о чем-то говорила, но Иван, конечно, ничего не понимал.

– А хочешь Москву? – Она щелкнула переключателем и на экране появились картинки какого-то фильма, актеры говорили на русском языке. Но Иван не хотел никакого телевидения, ни болгарского, ни советского. Он закрыл глаза и постарался вникнуть в суть происходящего. Все было как-то необычно: болгарская женщина в болгарской квартирке суетится на кухне, а он сидит в ожидании ужина и думает о своем доме, о жене и дочери. Он также вспомнил наставления председателя партийной комиссии о воздержании в отношении шоппинга и женщин, находясь за рубежом. Вот уж совсем не к месту. Иван встал и заглянул на кухню, из которой уже начали разноситься приятные ароматы.

– Хорошо, что ты пришел. Помоги мне. – Соня передала Ивану салатницу, наполненную зеленым салатом. – Отнеси, пожалуйста, на стол и приходи ко мне.

Соня делала это и говорила совершенно не принужденно. Она, конечно, не догадывалась, какие неуместные мысли посетили Ивана. Следующими оказались тарелочка с салями и салатница с болгарским перцем. Потом Соня достала из холодильника большую бутылку с прозрачной жидкостью и передала ее Ивану. Прочитав этикетку, Иван понял, что это сливовица, сливовая водка. Соня пояснила, что у них принято к ужину и мясу пить крепкую водку, в общем, как и в России. Потом Соня достала приборы и рюмки, стаканы наполнила фруктовым соком.

– Не могу долго быть в джинсах. Ты не против, я хочу переодеться.

Соня юркнула за ширму и вскоре вышла оттуда в цветастом легком платье или халате, Иван так и не понял.

– Ну вот, иди мой руки, снимай пиджак и садись за стол. Будь как дома.

Через минуту Соня принесла горячее. Это были колбаски, похожие на купаты, которые в Москве обычно подают в шашлычных.

– Разливай водку. Давай первый тост за нашу встречу, чтобы она нам принесла радости, и мы бы долго ее вспоминали.

– Замечательный тост. Но он требует поцелуя.

– Согласна. – Соня потянулась к Ивану, и тот нежно поцеловал ее в губы.

Все было вкусно и замечательно. Звучали тосты. Сливовица оказалась довольно приятной, а поцелуи становились все горячее и продолжительнее. Когда стол заметно опустел, Соня предложила Ивану послушать музыку и пригласила его на диван. Сама стала убирать со стола. Звучала тихая и нежная мелодия. Иван раньше ее не слышал, но она ему напоминала что-то из «Серенады солнечной долины». Соня быстро справилась с уборкой стола и опустилась рядом на диван.

– Ну, вот и все, – сказала она, прижимаясь к Ивану.

– У тебя все так быстро и хорошо получается. Может быть, потанцуем немного. Замечательная мелодия, но не могу припомнить, где я ее слышал.

– В Москве, в институте, на новогоднем вечере. Помнишь, мы там тоже танцевали, и была эта мелодия. Потом ты пригласил меня в кабинет и стал там меня целовать. Помнишь?

– Конечно, помню. Тогда как пламя возникла страсть.

– А сейчас?

– Начинает разгораться, – ответил Иван, улыбаясь своей шутки. Он ближе привлек к себе эту милую женщину и попытался поцеловать ее в шейку, расстегнув пуговку халата. Потом он целовал ее обнаженную грудь и ласкал все ее тело. Она была податлива и с охотой отвечала на ласки и поцелуи Ивана.

– Давай разденемся, и ты сможешь целовать меня всю.

Вскоре они оказались в постели. И сейчас, как тогда в Москве, страсть разгорелась мгновенно. Но он был уже взрослым мужчиной и постарался не слишком торопиться. Он все больше и больше ласкал тело этой хрупкой женщины, и она отвечала ему легким стоном, вскоре перешедшем в нетерпение. Любовный жар превысил стыдливость, и она привлекла его к себе, призвав к активным действиям. Горячие интимные контакты возымели свое дело, и любовная страсть перешла свою вершину, постепенно приближаясь к умиротворению. Когда Соня освободилась от объятий Ивана, она поспешила в душ. Иван ощутил сухость во рту, подошел к столу, выпил рюмку сливовицы и растянулся на постели.

«Хорошо! – произнес про себя Иван, – такая замечательная женщина. Вот если бы я был свободен... Хотя в нашем случае все так сложно. Разные страны, разные национальности и вообще... все это ни к чему».

Соня вышла из ванной комнаты, неприкрытая и с улыбкой на устах. Направилась к столу.

– Иди сюда, Ванечка, не надо ничего одевать, – предупредила она Ивана, увидев, что тот потянулся к стулу с его одеждой, – иди так.

Иван послушался и как был без всякой одежды подошел к Соне, стоящей у стола и разливающей сливовицу по рюмкам. Он немного смущался своей наготы, а обнаженное тело Сони, напротив, радовало его.

– Вот и состоялась наша любовь. Давай за это и выпьем, – предложила Соня как то торжественно. Я мечтала об этом моменте все эти годы, что мы были в разлуке. А теперь снова будет разлука и может быть навсегда.

– Сонечка, не надо об этом сейчас. Это наше время, наша любовь и мы вправе ею распоряжаться в полном объеме. Придет разлука, что ж? Останется память об этом горячем чувстве, что мы испытали, и нежность. Ведь так, Сонечка.

– Так, мой милый. И все же немного грустно. Давай выпьем еще немного.

Так и продолжался их вечер с любовью и грустью. А когда Иван почувствовал, что уже достаточно поздно, стал собираться.

– Уже пора, моя хорошая. У тебя есть еще хлопоты по хозяйству. Я доберусь сам.

Простились у двери с поцелуем. Иван вышел на свежий ночной воздух Софии. Машин и людей уже было мало. Он взглянул на часы: половина двенадцатого. Поднял воротник пальто и энергично зашагал по направлению к гостинице. Придя к себе, он быстро принял душ, выпил глоток коньяка и улегся спать, не забыв включить будильник. Он хотел подумать немного о Сонечке, о любовных играх, понять, как это все произошло, но не успел. Сон сморил его.

4

На следующий день подвели итоги работы совещания, принимали решение и окончательно согласовывали текст будущей монографии – книги об ультрафиолетовом излучении. Планировалось, что Всемирная организация здравоохранения издаст такую книгу, для чего потребуется созвать одно или два совещания, скорее всего в Женеве.

«Вот бы попасть туда, – подумал Иван, – но как это сделать? На пути в Женеву может оказаться Николай Левитин». Совсем не хотелось сейчас вспоминать о внутренних проблемах, творившихся в институте. Обед не было. По завершении заседания был большой перерыв, после чего все отправились к автобусу. Предстояла экскурсия в горное болгарское село, а там и обед и ужин. Как всегда Соня сидела рядом с Иваном, плотно прижав его к окну автобуса. Иван любил такие поездки и с интересом рассматривал окрестности за окном, придерживая Сонечкину руку в своей руке.

Автобус, пропетляв немного по городу, вырвался на свободу в виде загородного шоссе и помчался в ту сторону, где в перспективе синели горы со снежными вершинами. Иван жадно впитывал в себя впечатления увиденного за окном, понимая, что все это он видит, возможно, в последний раз. И Сонечку, скорее всего, он тоже никогда не увидит. Было грустно и сентиментально. Иван еще крепче прижал руку сидящей рядом с ним женщины, и она почувствовала какое-то беспокойство, исходящее от Ивана. Прильнув к его плечу, она заглянула в глаза Ивану и спросила:

– Что ни будь случилось? Ты как будто взволнован.

– Грустно стало. Понимаю, что скоро наступит разлука, и что мы ничего не можем с этим поделать.

– Ванечка, разлука наступит завтра. Зачем ты заранее грустишь. Сегодня наш вечер. Нас ждет прекрасная прогулка и ужин в хорошем ресторане, где будут всевозможные национальные блюда. Будет очень вкусно. Будет национальная музыка. Вот увидишь, тебе понравится. Настрой себя на хороший лад.

– Ладно, сейчас попробую. – Иван помолчал немного, потом добавил, – вот если бы мы были одни, я бы поцеловал тебя, тогда было бы легче настроиться на хороший лад.

– Не торопись. Весь вечер наш. Все будет, как ты захочешь.

Иван взял руку Сони, поднял ее к губам и поцеловал. Соне это понравилось.

Автобус сбросил ход. Начался подъем на горный перевал, начались крутые повороты. И справа и слева стояли голые скалистые горы, а когда их длинная цепь прерывалась, то на повороте автобус как-бы повисал над обрывом. Солнце было слева и оно не мешало видеть роскошную долину, протянувшуюся вниз. Неширокая речка с водой синего цвета змеей извивалась по долине, на солнечной стороне которой уже зеленела трава и голубели нежные цветки. Чуть позже показалась деревушка.

Соня, посмотри. Там внизу в долине у реки стоят домики, копошатся люди. Какая-то деревушка.

– Это, наверное, Горно Село – старинное болгарское село. Когда-то было очень многолюдно, а сейчас там осталось, может быть не более ста человек. Дорога проходит вдоль села, и мы увидим все, что там происходит.

Соня приподнялась со своего сиденья и что-то громко сказала водителю автобуса. Тот не оборачиваясь, кивнул головой.

– Я попросила его проехать помедленнее вдоль села, чтобы мы смогла рассмотреть эти старые домики, – пояснила Соня.

– Соня, а ты любишь Болгарию?

– Конечно, люблю. Это моя родина, мой дом, я здесь родилась, здесь и живу.

– А где ты родилась. В этом селе?

– Нет, что ты. Я здесь ни разу не была. Я родилась в Софии сразу после войны. И прожила там всю свою жизнь. Я не могу сказать, что я люблю болгарские села, я просто их не знаю. Но все равно люблю их, землю, на которой стоят эти дома, растут овощи, фрукты, живут люди. Как это сказать?

– Селяне или крестьяне. Так, наверное.

– Да, так.

Автобус поехал совсем медленно. Слева и справа от дороги стояли каменные дома, одноэтажные и двухэтажные, отгороженные от дороги невысокими оградами, сложенными из камней. Встречались люди в простых крестьянских одеждах, приветливо махали пассажирам автобуса руками. А вот справа автобус медленно обогнал арбу на высоких колесах, запряженную осликом. Тот безразлично мелкими шагами шел по обочине дороги. На ворохе каких-то веток сидел пожилой мужчина в яркой безрукавке и в папаше из овечьего меха. В руках он держал длинную тонкую хворостину, и время от времени напоминал ослику о его обязанностях. Автобус поехал дальше. Село осталось в прошлом.

Чуть дальше им повстречалась еще одна живописная долина, на дне которой лежало голубое озеро. Прямо из воды вырастали остроконечные горы, покрытые соснами и еще какими-то деревьями. За склонами гор синее небо, абсолютно прозрачное и безоблачное.

– Посмотри, какая чудесная картина, как в сказке, – предложил Иван, и Соня всем телом навалилась на ноги Ивана, прижавшись к стеклу.

– Если бы не кончалась эта чудесная картина, ты бы все время оставалась у меня на ногах, – пошутил Иван, и Соня выпрямилась, с укоризной взглянув Ивану в лицо.

– Тебе что больше нравится: горные пейзажи или я на твоих коленях?

– И то, и другое. А больше ты на моих руках.

Не прошло и больше четверти часа, как автобус остановился на большой площадке. Водитель открыл дверь и попросил пассажиров к выходу. Соня вышла первой и объявила, что это конечная точка их путешествия. Что здесь находится ресторан, куда она приглашает всех на обед-ужин. Из дверей стилизованного под национальное жилье ресторана вышел хозяин или директор ресторана и приветливо помахал всем рукой. Он предложил приблизиться к парапету смотровой площадки, чтобы ощутить прелесть горного пейзажа, подышать горным воздухом.

– Таким воздухом вы не подышите нигде, кроме горной Болгарии, – приветствовал гостей хозяин ресторана на хорошем английском языке. Иван вышел из автобуса, подошел к парапету, осмотрелся. Там, внизу, в долине он увидел горы, леса, маленькую реку и древние крестьянские дома, понял всю красоту исторического величия славянской земли Болгарии. Иван вдохнул горный морозный воздух, этот фантастический воздух, будто настоящий на горных травах, словно не вдыхал, а жадно пил глоток за глотком.

К нему тихо подошла Соня.

– Тебе нравится здесь? Ты бы хотел здесь жить? Вон там, в том домике на берегу реки. Ты и я, и больше никого. Утром, когда встает солнце, ты бы шел к реке и ловил рыбу, а там, на лугу паслись бы наши овцы. Я бы варила тебе сыр.

– Сыр? И больше ничего?

– Но ведь ты бы ловил рыбу.

Смеясь, они направились к двери ресторана.

В просторном зале, где царил полумрак, стоял массивный длинный стол без всякой скатерти. Для каждого гостя была предусмотрена просторная льняная салфетка с национальным орнаментом. На столе в больших и малых салатницах лежала зелень и разные овощи. На больших тарелках – закуски из мяса и сыра. В больших корзинах размещались крупно нарезанные ломти белого хлеба, пышного и аппетитного. Стояли рюмки и фужеры для сливовицы и местного вина. Вдоль всего стола длинной цепью размещались бутылки с водкой и вином. Где-то

за спиной в отдельном помещении готовили мясные горячие блюда, и аромат от них разжигал аппетит.

– Дорогие гости. – Первый тост приветствия принадлежал хозяину ресторана. – Мы рады, что вы к нам приехали. Для нас принимать таких важных гостей, приехавших сюда с разных стран мира, большая честь. Вы завершили свою работу, которая нужна всем людям планеты, и теперь можете приятно отдохнуть. Прошу вас, выпьем нашей доброй сливовицы и попробуем наших болгарских блюд. Приятного аппетита.

Дальше возникло свойственное такому моменту оживление, перешедшее в общий гомон. Поднимали тосты, говорили друг другу комплементы, шутили, пожимали руки. Слева от Сони сидел рыжеволосый американец Дэвид и с каждой рюмкой все настойчивее начинал ухаживать за ней. Она пыталась превратить его ухаживания в шутку и даже обращалась к Ивану за помощью.

– Дэвид, будь джелтменом. Дама устала и не расположена к такого рода играм, – обратился к американцу Иван и даже погрозил ему пальцем, – давайте лучше выпьем за наше общее дело.

Все согласились и выпили еще. Тут стали разносить горячее мясное блюдо, которое целиком и полностью поглотило внимание американца, да и всех остальных. Аромат был несоизмерим ни с чем, а вкус... Инцидент, таким образом, был исчерпан. Вдруг зазвучала музыка, застучал бубен, запела скрипка и на площадку перед столом вышли танцоры в цветастых национальных костюмах. Это было так кстати. Все вместе это составляло национальный колорит болгарского праздника. Непосредственная близость танцоров, их энергичные движения, топот их цветных сапожков, создавали непередаваемое ощущение радости бытия.

Когда кончился ужин, все высыпали на смотровую площадку, подошли к парапету. Солнце уже скрылось за одной из гор и заметно потемнело. Смотреть в долину стало неинтересно, да и заметно похолодало. К Соне подошел Дэвид и принес свои извинения за неловкие ухаживания. Он объяснил это тем, что сказочный настрой и крепкая сливовица сделали свое дело. Соня улыбнулась ему в ответ, а он поцеловал ей руку. В знак примирения Соня поцеловала его в щеку. Дэвид подошел к Ивану и спросил его, все ли хорошо. Иван ответил, что все великолепно, и они пожали друг другу руки.

Водитель автобуса заторопил всех, приглашая занять свои места. В салоне горел свет. Вскоре автобус тронулся, и голоса пассажиров постепенно утихли. Кто-то даже засопел.

– Хорошо бы сейчас выпить чашечку горячего кофе с коньяком, – шепнула Соня, опять прижимаясь к руке Ивана.

– Что ж, давай так и сделаем. У меня есть и кофе и коньяк.

Минут через двадцать они были уже в номере Ивана. Соня, скинув сапожки, плюхнулась на неразобранную кровать.

– Вот только теперь я поняла, как устала. Ты правильно сказал Дэвиду, что я устала. Ведь я все это время делала двойную работу, за себя и как организатор совещания.

– А вчера еще принимала гостей, – пошутил Иван. Он попытался прилечь к Соне на неразобранную постель, но она остановила его.

– Сначала душ, потом кофе и коньяк, а потом... посмотрим, что будет потом. Подожди немного, я быстро.

– Хорошо, – согласился Иван, – я пока приготовлю кофе.

Соня обнаженная, прикрытая лишь полотенцем, нырнула под одеяло.

– Иди в душ, я хочу полежать пару минут.

Аромат свежесваренного кофе распространялся по номеру. Иван тоже не стал мешкать под душем. Его привлекал не только аромат кофе, но и Соня, обнаженная в постели. Выйдя из душа, Иван приготовил кофе для Сони, налил в стакан немного коньяка и все это поднес к Соне в постель.

– О, какая галантность. Это очень любезно с твоей стороны.

Через пару минут они были вместе под одеялом.

– А ты ел эту темную колбаску с необычным вкусом? Ты знаешь, что это такое. Ее у нас называют «деликатесной». Я знаю, что туда добавляют что-то от ишака, и тот, кто съел ее, становится очень агрессивным, я говорю в смысле секса.

– Да, я съел несколько долек. Так что теперь берегись.

– Я то же съела пару кусочков, так что и ты берегись.

Их взаимные угрозы оправдались. Неизвестно, что явилось причиной такой бурной страсти, которой они одарили друг друга. Может быть, вся эта сказочная поездка, горный воздух или, в самом деле, загадочная колбаска, но их блаженству не было конца. Все новые и новые приливы страсти посещали их, а когда все же все было кончено, Соня прошептала:

– Такого блаженства я не испытывала никогда. Этот вечер я буду помнить долго.

Пришла пора расставаться. Говорить об этом совсем не хотелось. Иван проводил Соню до такси. Выудил из кармана оставшиеся пять лев и предложил их Соне.

– Мне они теперь не нужны.

Поцеловал ее, закрыл дверцу и машина уехала.

Поднявшись к себе, он допил коньяк, остававшийся в бутылке, упал в постель. От подушки до него донесся сладкий запах Сонечкиных духов. Он взвыл от тоски, но потом все же заснул. Завтра перелет в Москву.

5

Ивана провожала, как и встречала, Мария. Гвоздикову сопровождали ее кураторы. Будучи в холле гостиницы Иван поглядывал через витринные окна в ту сторону, где начиналась улица, на которой жила Соня. Он ждал, что она придет, хотя сам не понимал, зачем. Простились уже вчера. Было так хорошо и лучше уже не будет, даже если она и придет. Соня, наверное, думала также. В аэропорт приехали еще до начала регистрации. Делать было нечего, заполнили декларации, и стали ждать объявления. Мария как-то с нетерпением вертелась возле Ивана. Складывалось впечатление, что она хотела расспросить его о чем-то. Так и есть. Она придвинулась к нему и тихо спросила:

– Ну как завершилось совещание? Как были успехи Сони? Вчера у вас была экскурсия, и Соня тоже была с вами?

– Да, все нормально. Соня ведь была в числе организаторов этого совещания. И вчера она тоже была с нами и сопровождала группу как настоящий гид.

– Представляю себе. У нее хороший английский. Вообще-то я должна была участвовать в работе совещания, – с обидой сказала Мария, – она докладывала мои материалы, вернее наши. Мы их наработали вместе. Но у меня плохой английский и дирекция решила, что будет лучше, если докладывать будет Соня. – Немного помолчала, очевидно, ждала реакцию Ивана, но тот тоже молчал. – Вы все время были вместе. Я знаю, что у вас еще в Москве был роман, и сейчас было продолжение?

– В Москве мы только однажды потанцевали на новогоднем вечере. Ведь ты тоже там была, помнишь? А как твой Стоян. Это твой парень или жених?

– Как сказать. Мы встречались с ним еще в Москве. Он в то же время, что и я, учился там в аспирантуре. А сейчас мы с ним просто друзья. Встречаемся иногда, разговариваем. Он когда узнал, что я буду встречать ученого из Союза, попросил меня устроить тот первый вечер в гостинице. Он не любит Советы, хотя к русским относится нормально. Он мне говорил, что хочет уехать за границу, где капитализм, и начать свое дело, ну, свой бизнес. Он выбрал Италию или Францию. Но это очень сложно. Требуются визы и разрешение на выезд. Он пока не знает, как это сделать.

– Мария, а если Стоян пригласит тебя поехать с ним, ты поедешь?

Мария засмеялась, помолчала, а потом ответила:

– Ну, куда я уеду? У меня здесь родители, бабушка, родственники. Здесь мой дом, семья. Нет, я бы никогда не уехала из Болгарии.

Объявили регистрацию, и началось обычное движение. Очередь зашевелилась и скоро подошла к турникету с таможенниками. Иван попрощался с Марией. Поцеловал ее в щеку, поблагодарил за все и пожелал ей всего хорошего. Расстались как старые добрые друзья.

В самолете Гвоздикова сидела рядом с Иваном. Когда пристегнули ремни и взлетели, она попробовала разговорить Ивана, но тот был угрюм и сосредоточен. Наконец она спросила о расходах валюты, которые позволил себе Иван.

– Я точно не могу сказать на память. У меня все записано на листке бумаги, все, что рекомендовали в бухгалтерии Минздрава. А у Вас возникли проблемы?

– Да, мне кажется, я истратила больше, чем разрешено.

– И на много?

– Долларов на двести.

Иван даже присвистнул. Это почти вдвое больше, чем полагались суточные.

– Вообще-то странно, – стала возмущаться Гвоздикова, – эти деньги принадлежат нам, мы их заработали на совещании, почему мы должны их отдавать министерству?

– Вы все это расскажите в бухгалтерии Минздрава, в понедельник. Сегодня суббота, с отчетом пойдем в понедельник. Советую пока подумать, где достать недостающие деньги. Без финансового отчета Вас непустят. Впрочем, я не знаю точно. Это моя первая поездка и нет, к счастью, опыта перерасходования средств. Может быть, все и обойдется.

– Вы думаете?

Иван не ответил. Он закрыл глаза и пытался задремать. Как хорошо он летел в Болгарию: проспал весь полет. Вот бы и сейчас, лишь бы отвязаться от этой назойливой хохлушки из Харькова. Иван вдруг увидел прекрасные виды гор и долины внизу с рекой и озером, увидел голубой цвет и ощутил руку Сони в своей руке. В полудреме он вспоминал все, что было у него с этой милой миниатюрной женщиной и аромат ее духов на подушке постели и сладкие поцелуи. Он летел домой, к своей семье, жене и дочери. Должно быть, они встретят его. Как приятно, все же возвращаться. Он почувствовал, что соскучился по Людмиле и дочке, да и с Колей Левитиным неплохо бы встретиться, выпить пару рюмок водки, поговорить о делах.

Предложили пристегнуть ремни. Иван проверил своей рукой, он оказался на животе пристегнутым. Голубое небо в иллюминаторе салона самолета сменилось серым, стало сумеречно, и Иван понял, что приближается к Москве, где в это время года, как правило, пасмурно. Потрясло немного, и самолет вынырнул из облаков. В иллюминаторе появилась Россия с заснеженными лесами и полями, бескрайняя и холодная. Где ты, солнечная Болгария? Вскоре объявили о посадке и попросили оставаться на местах до полной остановки двигателей.

Дальше все шло по расписанию: паспортный контроль, лента транспортира, ожидание чемодана. В зале прилета темно. Встречают ли его? Иван увидел свой чемодан, придвинул его к себе, взял за ручку. В руках у него еще был пакет с шубейкой. Он направился к таможенному досмотру и теперь увидел Людмилу. Она стояла за стеклом и настойчиво махала ему букетиком цветов. Досмотр прошел формально: всего лишь отметка в декларации и Иван вышел в зону прилета.

– Наконец прилетел, я так волновалась.

Людмила кинулась ему на шею с многочисленными поцелуями. Подошел Николай, поздоровался, взял чемодан и заметил, что из поездок по России Иван не возвращался с таким тяжелым чемоданом. На стоянке нашли машину Николая, погрузили вещи в багажник, Иван и Людмила сели на заднее сиденье.

– Ну что, поехали? Там, наверно уже весна и чистый асфальт, а у нас еще зима и много снега, не успевают расчищать, скользко.

Николай не спеша вырулил на шоссе и также осторожно повел машину в потоке других машин. Шла неторопливая беседа о том, о сем, о совещании, о последних событиях в институте. Прошла всего одна неделя, как Иван не был в Москве, а казалось, что прошла вечность. Людмила прижималась к мужу, пыталась перевести разговор на домашние дела, потом вдруг спросила: «А где твоя шляпа?» Иван в недоумении прикоснулся рукой к голове, как бы проверяя наличие шляпы на ней. Убедившись, что ее там нет, подумал немного и вымолвил: «Я ее забыл в номере гостиницы. Я как приехал, забросил ее на шкаф, там она и лежит сейчас за ненадобностью».

– Да, хорош ты был, коли шляпу забыл», – съязвил Николай и посмотрел с улыбкой в зеркало заднего вида на Ивана.

Приехали. Поднялись на девятый этаж, вошли в квартиру. Там их уже ждала дочь Ивана и Саша Левитина. В воздухе стоял аромат тушеного мяса. После ужина Иван приступил к раздаче подарков. Хватило всем, но больше всех досталось Людмиле. Николай получил бутылку сливовицы, упакованную в красивую подарочную коробку, которую он тут же раскрыл и предложил попробовать болгарскую водку. Завидя шубейку, которую примеряла Людмила, Саша съязвила: «Мне кажется, что это искусственный мех». Всем достались «мартинички». На этом кончилась первая служебная заграничная поездка Ивана.

Глава 3. По разным городам и странам

1

В первый рабочий день после выходных и праздника 8-е марта, который в Союзе также причисляли к выходным и который всегда граждане отмечали с большой помпой и энтузиазмом, накрывая столы и даря любимым и близким женщинам подарки, Иван Белецкий поехал в Минздрав с отчетом. Первым делом отчет следовало представить в бухгалтерию. Там, конечно, он встретил Гвоздикову в расстроенных чувствах. У нее естественно установили перерасход валютных средств на сумму 320 рублей. По тем временам, это была большая сумма, часто выше заработной платы руководителя подразделения в НИИ. Ей велели вернуть эти средства любым способом, хоть по почте, учитывая, что она живет в другом городе, в течение недели. Но чтобы замять скандал, было бы лучше, если бы она внесла эти деньги сегодня. Она обратилась к Ивану:

– Выручайте, Иван Павлович. У меня в Москве больше не к кому обратиться, а я сейчас же Вам перешлю телеграфом. Иначе у меня будут еще большие неприятности.

Иван посмотрел на Гвоздикову, и ему стало жалко ее. Там, в Софии, она держалась молодцом, его даже не замечала, при встрече ограничивалась едва заметным кивком головы. Да и где она была все свободное время в Софии? – подумал Иван, – наверно, ходила по магазинам. В результате: перерасход». А сам сказал.

– Надо подумать, подождите меня здесь, я сдам отчет. И если у меня все будет нормально, будем искать деньги.

Иван ушел в кабинет бухгалтерии, а Гвоздикова осталась на стуле перед дверью. В конце концов, все обошлось. У Ивана в запасе были какие-то деньги. В конце дня Иван и Гвоздикова встретились в холле Минздрава, и он передал ей триста пятьдесят рублей, как она просила. Все расчеты по болгарской командировке были завершены, и далее продолжалась обычная трудовая жизнь.

В институте Ивана ждал приказ о назначении его руководителем научно-организационного отдела. Директор поздравил Ивана с новым назначением и в довольно требовательной форме изложил свои претензии к бывшему руководителю. Иван старательно записывал сообщения директора и в завершении предложил подготовить проект мероприятий по реорганизации работы отдела.

– Вот и хорошо. Этот документ Вы представите на ученом совете, когда будете проходить по конкурсу. И если получится приличный материал, то его можно было бы опубликовать в нашем научном журнале, конечно, существенно переработав в форме статьи.

Озадаченный Иван пришел к себе в кабинет. Это теперь его первый в жизни личный кабинет руководителя отдела. Многие становилось ясно, но что-то еще забыли. Вся работа по реорганизации отдела нужно разделить на две части: работа по проблемной комиссии и работа по координации исследований в институте. Соответственно так и должна быть построена структура отдела. Должны быть два сектора, возглавляемые старшими научными сотрудниками. Словом, и здесь нужна была реорганизация, к которой он пока не был готов.

Новая работа, новые заботы. Но ведь остались еще и старые: в подвале здания института, где размещался виварий, жили и «работали» его мышки и крысы – продолжался запланированный эксперимент и никто эту работу не отменял. Пока он был в Болгарии, за животными смотрела его лаборантка, сотрудница той лаборатории, которую он покинул. И теперь надо было их навестить.

К концу дня Иван зашел в лабораторию, поприветствовал всех, кто был на месте, подарил всем по «мартиничке» и объяснил, что дарить такие значки в марте в Болгарии хорошая традиция, поздравил всех с праздником 8-е марта. Потом предложил Милочке (так звали его лаборантку) спуститься в виварий и посмотреть животных. По дороге она напомнила Ивану, что по графику на следующей неделе забор крови и что без Ивана здесь не обойтись. Это, конечно, был намек на то, что Иван покинул свою лабораторию и возглавил отдел, и вся нагрузка теперь ляжет на нее, Милочку. Иван успокоил лаборантку и сказал, что он сделает все как надо. А когда вошли в комнаты, отведенные под животных лаборатории, то Иван достал из кармана белого халата маленькую коробочку с болгарскими духами. Это было так называемое «розовое масло» и подарил ее Милочке.

– Сувенир из Болгарии. Я очень скучал по тебе.

Милочке было приятно внимание «шефа», как она его часто называла, и она поцеловала его. В последнее время их отношения становились все прохладнее. Оба понимали, что лучшее, что было у них, уже позади, а впереди у каждого своя жизнь. Была горячая любовь. Иван вытащил Милочку из поликлиники, где она работала процедурной сестрой, и устроил к себе в лабораторию на должность старшего лаборанта с приличным окладом. Во всех отношениях, это было лучше, чем целый день наклоняться со шприцем в руках к задницам больных. Она была благодарна Ивану. А, кроме того, это была красивая пара: яркая блондинка, миниатюрная с высокой грудью, красивое лицо и пышные волосы, и рядом с ней красавец Иван, любимец женщин института, с черными волосами, светлыми яркими глазами и стройной фигурой с широкими плечами.

– Красивая пара, – так часто говорили о них.

Вершиной их любви была совместная командировка в Краснодар, где группа ученых из института изучала состояние иммунной системы дошкольников, изменение которой могло быть связано с неблагоприятным влиянием окружающей среды. Иван и Мила помогали в обследовании детей. А вечерами у них была любовь, когда это было возможно. До романа с Иваном Милочка была замужем и у нее осталась дочь от первого брака. Тогда им казалось, что в их отношениях нет преград, но зато есть будущее. Но когда Иван вернулся домой и обнял свою пятилетнюю дочку, понял, что он не сможет когда-либо покинуть ее. Здесь тоже была любовь. Потом были встречи с Милой, в основном в командировках, которые становились все реже и реже. Иван помог Милочке поступить в медицинский институт на педиатрический факультет, где первые три года можно было учиться в вечерние часы. Потом Мила должна была уйти из института и связь с Иваном практически была бы прервана. Ведь они больше нигде не виделись, кроме как на совместной работе. Ну и конечно, Милочка все больше подумывала о новом замужестве: она была молода, красива и мечтала стать врачом. К тому же сейчас за ней стал ухаживать ее сокурсник, симпатичный парень и с серьезными намерениями. Милочка была благодарна Ивану за то, что он сделал для нее. Она чувствовала, что Иван все еще испытывает теплые чувства к ней, как отголоски любви и ей было бы больно, если бы Иван узнал о ее тайных намерениях вновь выйти замуж. Вот такими были эти непростые отношения.

Все эти дни воспоминания о Соне не покидали его. Все больше это были приятные ощущения любовной близости, теплоты отношений, сложившихся у них. Но, вместе с тем, в эти чувства все настойчивее вползала печаль их разлуки. «Надо бы написать Сонечке письмо, – думал Иван, – но как это сделать? Писать на институт нельзя, письмо могут вскрыть, и обнажится их тайна, что вероятно не желательно для Сони. Писать на дом, он не взял ее домашний адрес, а жаль». В таких переживаниях Иван провел много времени, чего раньше с ним не случалось. Как раз сейчас на его имя пришло письмо из секретариата ВОЗ по результатам совещания и ближайших планах на будущее. Иван решил воспользоваться этим поводом и прежде чем писать в Женеву счел нужным посоветоваться со своим коллегой из Болгарии, то есть с Соней.

В этом письме он спросил домашний адрес Сони под предлогом установления более легкой и неформальной связи. Письмо отправил по установленным каналам и стал ждать ответа.

Между тем, в письме из ВОЗа сообщались важные для Ивана сведения. Во-первых, он был включен в состав рабочей группы по подготовке монографии по биологическому действию УФ-излучения. И ему предстояло подготовить раздел монографии по биологическим последствиям дефицита природного УФ-излучения и его профилактике. Во-вторых, в письме сообщалось, что следующее совещание рабочей группы состоится в апреле-мае следующего года. А это означало, что он, Иван должен поехать в Женеву на совещание, если конечно никто не помешает ему сделать это. Он подготовил письмо, в котором поблагодарил за предложение участвовать в написании монографии и подтвердил свою готовность к этой работе, а также и к участию в совещании рабочей группы в Женеве. Он ознакомил с письмом Николая Левитина как руководителя международным отделом института.

– Все правильно. Только выражения должны быть мягче. Ведь это письмо будут визировать в международном отделе Минздрава, а там твоя готовность может не понравиться, – возразил Коля, прочитав письмо. – Я попробую исправить текст и покажу тебе.

«Ни тебе ли милый друг в первую очередь не понравилась оценка моей работы секретариатом ВОЗ и приглашение к продолжению темы?» – подумал Иван, но вслух сказал, что будет весьма признателен Николаю за содействие, на что тот скептически и с ехидцей улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.